ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 33 (669)

Литературная газета

Пятница, 18 июня 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. Цена 30 коп.

Год тому назад, 18 июня 1936 г., в Горках (близ Москвы) скончался великий русский писатель, гениальный художник слова, беззаветный друг трудящихся, борец за победу коммунизма— Алексей Максимович Горький

Учиться у Горького

Прошел год с того дня, когда трудящееся человечество, народы советских республик прощались с ушедшим навеки великим пролетарским писателем, гениальным художником слова, неутомимым борцом за дело коммунизма Алексеем Максимовичем Горьким.

На траурном митинге на Красной площади в день похорон А. М. Горького глава советского правительства В. М. Молотов говорил:

«После Ленина смерть Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества», — и этими словами он выразил чувства, переживаемые миллионами и миллионами людей.

Выйдя из низов, угнетаемых и уродуемых капитализмом, Горький снискал себе всемирную славу, всеобщее признание и любовь широчайших масс трудового человечества. Ни один из писателей прошлого и настоящего не был так близко связан с миллионами людей, как А. М. Горький, ни один из них никогда не заглядывал так глубоко в душу трудящегося человека, как великий «провидец» и «чародей», наш Алексей Максимович.

Он пришел в мир, в котором люди были хмуры, не пели радостных песен, в их сердцах жили ненависть и озлобление друг против друга. Они были ожесточены, труд для них был проклятием, и великому писателю казалось, что они появились на свет затем только, чтобы переносить невероятные мучения, терпеть издевательства.

Книги открыли ему новый мир. Он увидел, что есть другая жизнь, что есть иные люди. Книги открыли ему, что все удивительные достижения техники, искусства, прогресса сделаны человеком и что труд человека является создателем всех материальных и духовных ценностей на земле.

И четырнадцатилетним мальчуганом Горький дал себе клятву, что, как только он станет взрослым, отдаст все свои силы без остатка на борьбу за лучшее будущее человека. Он рано вступает на путь революционной борьбы, вскоре примыкает к большевикам и сходится близко с вождем международного пролетариата, организатором и создателем большевистской партии В. И. Лениным.

Свой талант, могучий дар художника, он ставит на службу рабочему классу, отдает борьбе за дело коммунизма. Он подлинный писатель боец. Гневные публицистические статьи, прокламации и листовки выходили из-под пера гениального художника такими же яркими, художественными, правдивыми, как и все его образное художественное творчество.

Горький пришел в литературу, когда зарождалось революционное рабочее движение, уверенной поступью входил в сознание революционной интеллигенции и передовых рабочих марксизм. Литература переживала эпоху безвременья, и горьковские стихотворения в прозе—«Песня о буревестнике» и «Песня о соколе» были приняты, как новое, могучее и страстное слово в литературе.

Горький закладывал основы пролетарской, социалистической литературы. Но совершенно естественно, что социалистическая литература не рождается на голой земле. Будучи качественно новой, она в то же время является итогом всего предшествующего развития литературы.

Великий художник слова, А. М. Горький явился продолжателем традиций великих критических реалистов и революционных демократов.

«По силе своего влияния на русскую литературу, — говорил тов. В. М. Молотов в речи на горьковском траурном митинге, — Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

Он создал эстетику социалистического реализма, доказав своими художественными произведениями ее силу и незыблемость. Формулируя свои эстетические принципы в статьях, посвященных литературе, Горький передавал опыт гениального художника революционным писателям, молодому поколению советских литераторов, рожденных Великой пролетарской революцией.

Как гениальный и великий писатель, А. М. Горький глубоко верил в силу художественного слова. Чуткий и суровый критик, Горький отдавал много внимания и сил воспитанию «инженеров человеческих душ» — писателей. Эту работу он вел и в дореволюционное время, издавая первые сборники пролетарских писателей и особенно в послеоктябрьский период.

Его критика всегда была принципиальной, глубокой и умной. Писатель, отдавший свое произведение на суд замечательному художнику, знал, что от его пытливого и прозорливого взгляда не скроются ни положительные, ни отрицательные стороны произведения. Вот почему с такой любовью и трогательной нежностью относились писатели к А. М. Горькому.

В среде советских литераторов до самого последнего времени находились троцкистско-авербаховские агенты, создавшие свой антисоветский литературный центр. Афиногенов, Киршон, Ясенский и другие вместе с врагом народа, грязным литературным дельцом Авербахом делали попытки примазаться к имени великого писателя. Горький же громил чуждых и равнодушных к делу литературы людей и не в бровь, а в глаз попадал авербаховцам, когда писал о некоторых литераторах, зараженных мелкобуржуазной болезнью «вождизма».

Живучие, находящие еще себе иногда место в нашей социалистической действительности, силы старого мира вызывали в Горьком страшную ненависть. Международные поджигатели войны, фашистские шпионы, предатели и диверсанты испытывали на себе сокрушительные удары могучей публицистической мысли Горького.

Великий пролетарский гуманист, относившийся всегда к человеку труда с величайшей нежностью и любовью, для врагов трудящихся он находил сокрушающе-грозные слова. «Если враг не сдается, его уничтожают», — говорил А. М. Горький.

Не случайно истоки смрадного троцкистского подполья, вероломства и предательства заклеймил Горький в образе буржуазного интеллигента «средней стоимости» Клима Самгина в одном из лучших своих произведений.

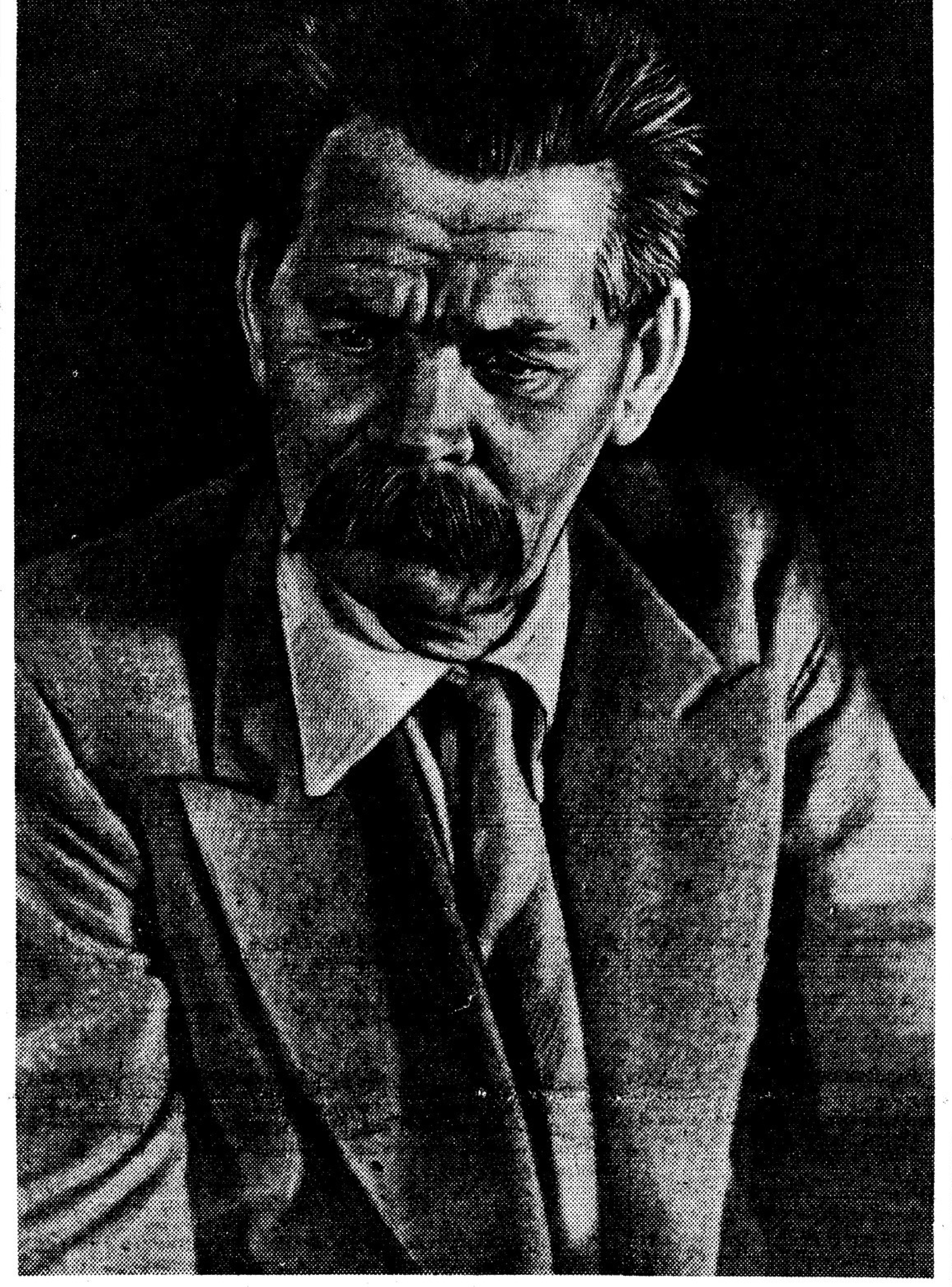
В ряде статей, выступлений, докладов Горький наметил перед советской литературой величественные и трудные задачи.

Показать в ярких и полноценных художественных образах героя нашей эпохи, трудового человека, создателя материальных и духовных ценностей. Раскрыть врага со всей силой, какая присуща советскому народному художнику, вызывая к врагу священную ненависть и презрение. Добиться как можно более широкого охвата многокрасочной и яркой действительности в художественных произведениях.

Эти требования Горького и на сегодняшний день остаются невыполненными нашими литераторами. А между тем «не было еще такой эпохи, когда искусство располагало бы таким разнообразным материалом, какой предлагает искусству материал нашей страны» (А. М. Горький).

Вместе с тем ни одно поколение писателей не имело такого руководителя, заботливого друга, учителя, каким был Горький для советских литераторов. Вся его прекрасная яркая жизнь, все его бессмертное художественное творчество и колоссальная организационная работа являют собой пример для советского литератора.

Советский писатель должен жить и работать, учиться и писать так, как работал и жил, писал и учился А. М. Горький.

1868 Алексей Максимович Горький 1936

ДЖАМБУЛ*
Народный певец Казахстана, орденоносец

Умер большой человек

Пой от скорби и горя, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул —
Умер Горький — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
К светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким ясный рассвет —
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.

Но во тьме его песни зажглись
Как созвездья на небе ночном.
По стране его песни лились
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творенья его ценил.
Сталин книги его читал
И, как верного друга, любил.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин—сверкающих слов—
Выпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждою рабов.

В его песнях дымился восход,
День грядущий лучами горел.
И под песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над страною плыла весна
Свежих росных цветов полна.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отсверкал, откипел, отзвенел
Светлый, чистый, кипучий родник.
В нашей — самой счастливой —
страны
Умер самый счастливый старик.

Плачьте струны из турьих жил,
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил,
Кого солнечный Сталин любил.

С казахского перевел

К. АЛТАЙСКИЙ.

*) Песня спета в день получения в Казахстане известия о смерти А. М. Горького.

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

Неопубликованное письмо А. М. Горького

Неопубликованное письмо А. М. Горького т. Щербакову (бывшему в то время ответственным секретарем союза писателей) представляет для советского читателя значительный интерес.

Письмо, преимущественно посвященное трактовке социалистического реализма, заставит несомненно задуматься тех наших писателей, которые до сих пор еще не поняли, что «главная задача социалистического реализма сводится к возбуждению социалистического, революционного мироощущения».

Тов. ЩЕРБАКОВУ.

Мне кажется, что определение состояния критики и ее задач дано в формах слишком «общих», хорошо знакомых литераторам и критикам и потому едва ли способных возбудить живой, актуальный интерес, вызвать плодотворную дискуссию по вопросу о социалистическом реализме, как технике лит. творчества, как об эстетике и этике советского искусства.

О соц. реализме написано и пишется много, но единого и ясного мнения — не существует, чем и об'ясняется тот печальный факт, что на с'езде писателей критика не заявила о том, что она существует. А нам необходима твердо установленная «рабочая истина», настолько широкая, чтоб она могла охватить и осветить смыслы всех процессов в нашей стране и все акты сопротивления творчеству пролетариата-диктатора. Само собою разумеется, что в пределах этой «рабочей истины» неизбежны и допустимы разноречия, — отсюда следует необходимость особенно точно, твердо установить пределы социалистического реализма, надобно взять энгельсово утверждение: жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение. В природе механически работают энергия физики и химии, в человечьем обществе — трения, столкновения классовых сил и трудодействия, направленные на создание и расширение материальной — буржуазной — классово своекорыстной — культуры. Факты истории устанавливают, что интеллект играл в буржуазном обществе роль «катализатора», который более или менее успешно — стремился связать, соединить, т. е. примирить, а в области социальной примирение есть подчинение силы силе. Индивидуалистам нужно указать, что интеллект в условиях капиталистических меньше всего заботится о быстроте своего роста, а ищет только устойчивого равновесия.

Реализм буржуазной литературы— критичен, но лишь настолько, насколько критика необходима для классовой «стратегии», — для освещения ошибок буржуазии в борьбе за устойчивость власти. Социалистический реализм направлен на борьбу с пережитками «старого мира», с его тлетворным влиянием на искоренение этих влияний, но главная его задача сводится к возбуждению социалистического, революционного миропонимания, мироощущения.

Мне кажется, что мысли этого порядка могли бы вызвать в среде литераторов и критиков возражения, раздражения и создать полезную дискуссию. У нас литераторы меньше всего думают и говорят именно о целях и задачах литературы — следует попытаться возбудить более живой и глубокий интерес к делу, которым они занимаются.

Писатели и оборона страны

Железнодорожники обратились к советскому правительству с просьбой — выпустить Заем обороны СССР. Инициатива железнодорожников подхвачена миллионами трудящихся нашей страны.

Так отвечают народы Советского Союза на провокации, предательство, измену подлых шпионов Тухачевского и К°, разоблаченных славными наркомвнудельцами во главе с боевым сталинцем т. Ежовым.

Патриоты советской родины демонстрируют свою готовность по первому призыву партии и любимого вождя товарища Сталина мощной лавиной двинуться против врага, если он осмелится посягнуть на наши границы.

Величественное движение масс захватывает писателей нашей страны. Они присоединяют свой голос к голосам миллионов, выдвинувших идею Займа обороны, и при размещении этого займа они окажутся не на последнем месте среди подписавшихся.

Но пример масс должен увлечь писателей и в другом отношении. Они должны напрячь все силы для того, чтобы окончательно очистить свои ряды от троцкистских, бухаринских и всяких иных предателей, усердно пытающихся овладеть нашим идеологическим фронтом. Они во всем об'еме должны поставить вопросы борьбы **за оборонную тематику** в художественной литературе. Враг и здесь сумел немало навредить. Вспомним, например, как упорно отстаивал мерзавец Эйдеман выдвинутый им лозунг: «У нас не может быть специально оборонной литературы.»

Теперь яснее, чем когда-либо, смысл этой «установки» предателя, которому нужно было отвлечь внимание советских писателей от военной тематики, от проблемы будущего столкновения мира фашизма и мира социализма. Необходимо разоблачить этот вреднейший «лозунг». Массы, настаивающие на выпуске Займа обороны, с такой же страстностью и настойчивостью требуют антифашистских романов, пьес, показывающих мощь нашей Красной армии, фильмов, разоблачающих гнусные замыслы империалистических разбойников.

Голосуем за заем обороны СССР

На митингах и собраниях

Работники Издательства иностранных рабочих единодушно одобряют подсказанное горячим советским патриотизмом предложение передовых железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны социалистической страны.

«Коллектив сотрудников издательства, — говорится в их резолюции, принятой 17 июня, — **просит правительство выпустить заем в возможно ближайший срок и в размерах, полностью обеспечивающих превращение нашего СССР в еще более могучую силу, грозную для любой группировки врагов.**

Общее собрание работников издательства шлет свой пламенный привет Рабоче-Крестьянской Красной армии и обязуется в своей работе быть достойными непобедимой армии мирового пролетариата и отдать все свои силы делу укрепления обороноспособности нашей страны».

◆

Сотрудники Госпитиздата с большим энтузиазмом встретили предложение рабочих железнодорожников о выпуске Займа обороны СССР.

Общее собрание издательских работников заявило:

«Проникнутые глубокой любовью к нашей великой социалистической родине, к авангарду трудящихся — Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и любимому вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину, **мы еще теснее сплотимся вокруг нашего ЦК и родного товарища Сталина, еще больше окружим вниманием и заботой непобедимую Красную армию и** сделаем все для того, чтобы укрепить, усилить мощь нашей великой родины».

◆

160 человек собрались 15 июня в Изогизе на митинге, на котором была единодушно принята резолюция, **поддерживающая предложение железнодорожников о выпуске специального займа для укрепления обороны СССР.**

В резолюции коллектив сотрудников Изогиза заявляет:

«Наша Красная армия, горячо любимая всем советским народом, должна быть вооружена самым совершенным в мире оружием.

В ответ на происки врагов еще сильнее укрепим мощь Красной армии и обороноспособность страны.

Приветствуем инициативу железнодорожников **и просим правительство выпустить заем обороны,** заверяем партию и правительство, что мы с величайшей охотой и радостью подпишемся на заем».

ПИСАТЕЛИ БУДУТ В ПЕРВЫХ РЯДАХ ПОДПИСЧИКОВ НА ЗАЕМ

Г. Лахути

Горячо поддерживаю инициативу железнодорожников о выпуске нового Займа обороны.

Кровавые бандиты, схваченные рукой революционного закона, уничтожены. Такая участь ожидает всех, кто посягает на священные права великой страны социализма.

На гнусные нападки фашистов, на все происки этих отвратительных негодяев мы ответим еще большим укреплением мощи нашей цветущей родины.

Я глубоко уверен в том, что писатели нашей великой многонациональной родины будут в первых рядах подписчиков на заем.

Я уверен также в том, что одновременно с активным участием в новом займе писатели создадут новые произведения, изобличающие подлых фашистов и их блудливых прислужников, напишут высокохудожественные произведения о нашей непобедимой Красной армии и ее доблестных бойцах и радостной жизни сталинской эпохи.

НАША СТРАНА ДОЛЖНА БЫТЬ САМОЙ СИЛЬНОЙ В МИРЕ

Л. Кассиль

Найдется ли хоть один гражданин, преданный своей социалистической родине, который не приветствовал бы горячо инициативу железнодорожников о займе обороны СССР?

Изменники и предатели нашей родины раздавлены. Их фашистские хозяева, пытающиеся всеми средствами подорвать мощь великой страны социализма, просчитались.

Советский народ, приветствуя решение Верховного суда, новым под'емом патриотизма отвечает на подлые дела агентов фашистской контрразведки. Он предлагает правительству новые средства для дальнейшего укрепления боеспособности Красной армии.

Я уверен, что в этот раз мы особенно успешно осуществим подписку на заем обороны СССР.

Наша страна должна быть самой сильной в мире!

СИЛА СОВЕТСКОГО НАРОДА НЕСОКРУШИМА, ЕГО ВОЛЯ К ПОБЕДАМ НЕПРЕКЛОННА

Горячо приветствуем инициативу железнодорожников и воинских частей Москвы и присоединяем свой голос к их ходатайству о выпуске займа укрепления обороны нашей героической родины.

Пусть знают враги — все их гнусные попытки подорвать нашу мощь терпели, терпят и будут терпеть неминуемый крах.

Пусть знают враги — **сила нашего советского народа несокрушима, его воля к победам непреклонна,** его энергия неистощима.

Участием в займе каждый из нас сумеет претворить свою глубокую любовь к родине в живое и практическое дело укрепления могущества нашего социалистического государства, укрепления безопасности мирного, созидательного труда народов и республик Советского Союза.

Да здравствуют инициаторы займа!

Да здравствует великий и могучий советский народ!

Да здравствуют великая партия большевиков и великий Сталин!

ПРАВЛЕНИЕ ССП БЕЛОРУССИИ.

Минск. По телефону.

Предложение

О. Колычев

Наш гнев нарастает,
Мужают сердца.
Слова приговора,
как слитки свинца, —
Презренным убийцам,
германским наймитам,
Что крупповским
действовали динамитом!

Чтоб танков могучая встала
стена,
Чтоб в небе кружился
металл оперенный,
Поэтов своих
призывает страна
Включиться
в железный заем обороны.

Пусть в каждой республике
каждый поэт
(Конкретно — лирическое
предложенье!)
Отчизне,
которой любимей нет,
Займет
свое лучшее стихотворенье!

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ МИЛЛИОНОВ

Л. Никулин

В течение ряда лет тайные враги нашей родины, предатели и шпионы, старались разрушить, подточить военную мощь Советской страны.

Сейчас они разоблачены и уничтожены. Мы нанесли чувствительный удар их покровителям, но, чтобы действие его было сильнее, надо стократно укрепить мощь нашей Красной армии.

Десять лет назад, в 1927 г., на провокацию войны, на убийство советского посла Войкова, мы ответили всенародными сборами на постройку авиаэскадрильи «Наш ответ Чемберлену».

Сейчас мы отвечаем нашим врагам Займом обороны СССР.

Это единственный достойный и убийственный для них ответ.

ПИСАТЕЛИ ГОРЯЧО ПОДДЕРЖАТ ЗАЕМ

П. Павленко

Писатели должны горячо поддержать прекрасную инициативу железнодорожников.

Общее собрание писателей или правление союза от имени всех нас должно обратиться к правительству вслед за железнодорожниками с просьбой о введении займа обороны, который явится всенародным голосом любви и преданности нашей стране и проявлением всегдашней готовности каждого гражданина СССР всемерно усилить мощь страны и Красной армии.

И в случае, если правительство согласится, писатели единодушно продемонстрируют свой патриотизм и выйдут на первое место в этом хорошем и нужном деле.

РАЗГРОМИМ ФАШИЗМ ДО КОНЦА

С. Марвич

Заем обороны — материализованная воля народов нашей страны победить в грядущих боях армии фашизма, разгромить фашизм до конца на его же земле. Физическое уничтожение банды шпионов — Тухачевского и К° — одна из первых выигранных нами схваток с фашизмом. В этой схватке фашизм поплатился тем, что для нас, для международной демократии, открылись его планы и карты.

Всенародное одобрение приговора, всенародное голосование за Заем обороны — это наш общий, и мой в том числе, ответ поджигателям войны.

Ленинград. По телефону.

ГОРЬКИЙ... КРЕПКО СВЯЗАЛ СЕБЯ СВОИМИ ВЕЛИКИМИ ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ РОССИИ И ВСЕГО МИРА... *(Ленин)*

О великом вожде

Г. СМОЛЬЯНИНОВ

Среди задуманных Горьким работ была книга об изумительных победах Советского Союза. В ней Алексей Максимович намеревался запечатлеть образ Сталина.

Смерть помешала писателю осуществить его замысел. Мы не имеем его книги, но в статьях, речах и письмах Горького разбросаны отдельные его высказывания о товарище Сталине. Они дают как бы контуры того портрета вождя, который собирался написать гениальный художник слова. «Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого», — писал Горький, и эта мысль красной нитью проходит через остальные его статьи и речи.

В речи на открытии с'езда писателей в 1934 г. Алексей Максимович говорил: «Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих и где рабочие и колхозники ежедневно, разнообразно доказывают свое умение пользоваться этим правом. Мы выступаем в стране, освященной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина».

В статье Горького «О культурах» читаем: «Существует страна... где вся масса трудовой энергии вовлекается в разнообразную работу создания новых условий жизни, т. е.—новой, социалистической культуры. Где пролетариат, следуя учению Маркса — Ленина и руководимый Иосифом Сталиным, освободил крестьянство от идиотической «власти земли», от покорного подчинения капризам природы...».

Ряд устных высказываний Горького о товарище Сталине записан и опубликован лицами, встречавшимися с А. М. Во всех его словах звучит все та же огромная любовь писателя к великому вождю.

Одно из таких высказываний приведено в очерке Е. Кольцовой «Тессели», напечатанном в «Комсомольской правде» от 20 июня 1936 г.

«—Хороший человек... Рабочий,— работать умеет! — так он сказал однажды за столом. Потом он отложил «Правду» в сторону...

— Хороший, хо-роший человек,— повторил он еще раз, постукивая медленно по столу длинными пальцами.

— Алексей Максимович, о ком вы это говорите? Кто это такой?

— Сталин. Рабочий человек... Да... Учиться у него надо... Ра-бо-тать! — каждый слог этого слова он произнес напевно медленно, на низкой ноте, словно пропел строки знакомой прекрасной песни».

Развернутую характеристику своего великого друга писатель дал в статье «Правда социализма». В ней Алексей Максимович писал: «Непрерывно и все быстрее растет в мире значение Иосифа Сталина, человека, который, наиболее глубоко освоив энергию и смелость учителя и товарища своего, вот уже десять лет достойно замещает его на труднейшем посту вождя партии. Он глубже всех других понял: подлинно и непоколебимо революционно-творческой может быть только истинно и чисто пролетарская, прямолинейная энергия, обнаруженная и воспламененная Лениным. Отлично организованная воля, проницательный ум великого теоретика, смелость талантливого хозяина, интуиция подлинного революционера, который умеет тонко разобраться в сложности качеств людей и, воспитывая лучшие из этих качеств, беспощадно бороться против тех, которые мешают первым развиться до предельной высоты,—поставили его на место Ленина. Пролетариат Союза Советов горд и счастлив тем, что у него такие вожди, как Сталин и многие верные последователи его».

Горький пишет о безграничной любви народных масс к Сталину, о крепчайшей связи его с массами и о ненависти к нему буржуазии. «Умное, зоркое руководство ленинского ЦК во главе с человеком, который поистине заслужил глубочайшую любовь рабоче-крестьянской массы, — это руководство не только «со скрежетом зубовным» признается, но и восхищает, а — того более — устрашает капиталистов. Восхищение, конечно, не мешает росту звериной злобы лавочников» («Литературные забавы»).

«Никогда за всю историю человечества, никогда и нигде «единство власти и народа» не существовало в таких ярко выраженных и крепких формах, в каких это единство установлено у нас, в Союзе, где каждый честный рабочий и колхозник имеет возможность непосредственного и тесного товарищеского общения с его вождями. И никогда в мире, ни один из прославленных историей «вождей народа» не говорил — не смел, не мог сказать — рабочей силе: «мы учили вас и, в свою очередь, учимся у вас». Иосиф Сталин сказал это, и это — огромная, небывалая, подлинно революционная правда. Вот эта правда и является той силой, которая создает такие удивительные взрывы, каково творческое движение, носящее имя Стаханова» («История деревни»).

«Да здравствует простая, ясная мудрость наших вождей, первых и единственных в мире вождей, которые не пошлют, никогда не пошлют народ свой порабощать манчжуров, абиссинцев, китайцев, индусов!

Да здравствует Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, которого вчера так трогательно поблагодарила молодежь за то, что он дал ей радостную юность!» (О параде физкультурников).

В статьях Горького мы найдем высказывания о Сталине как продолжателе дела Ленина, как о вожде партии, ведущей страну от победы к победе. «Железная воля Иосифа Сталина, рулевого партии, превосходно справляется с уклонами от прямого курса и весьма быстро вылечивает от всяческих «головокружений» команду партийного судна» («О кочке и о точке»).

«Преемник Ленина, Иосиф Сталин, мощный вождь, чья энергия все возрастает, и верные ученики Ленина успешно продолжают его великую, революционную работу» («Работнице и крестьянке»).

«Никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеют делать партия, организованная гением Владимира Ленина, и современный наш вождь этой партии» (Доклад на с'езде советских писателей в 1934 г.).

«Все, что создано в Союзе социалистических советских республик, создано в срок менее двух десятков лет, и это всего красноречивее говорит о даровитости народов Союза, о их трудовом героизме, о том, что в нашей стране труд становится искусством, о том, что пролетариат Советских социалистических республик, руководимый учением и партией Ленина и неиссякаемой, все растущей энергией Иосифа Сталина, создает новую культуру, новую историю трудового человечества» («О культурах»).

В статье «Две пятилетки», говоря об успехах социалистического строительства, Горький замечает: «Это почти чудо. Но — чудес не бывает, и это — естественный результат работы людей, которые... смело принялись за работу, реализацию указаний истории. Это — люди высочайшего напряжения творческой энергии, ученики, соратники и друзья Ленина. Они во главе с Иосифом Сталиным, человеком могучей организаторской силы, дружески воспитывают в бывшей «варварской» и «нищей» стране нового, культурного хозяина-социалиста».

Приведем здесь еще несколько мыслей Горького о великом вожде.

«Наше оружие не только в руках бойцов умной, отличной Красной армии, оно в мудром, спасительном для всего мира учении Ленина — Сталина...» («Знать прошлое — необходимо»).

...«человек... ныне становится владыкой всего сущего. Так, мне кажется, надо понимать исторический процесс, предуказанный Марксом и Энгельсом, освещенный и углубленный Лениным и все более углубляемый и расширяемый неутомимой работой Сталина, вождя партии, воспитывающей вождей пролетариата» («Литературные забавы»).

В одном из писем в редакцию «Колхозника», говоря о развитии познавательных способностей людей ради победы над всеми силами природы, Горький пишет: «Впервые в мире цель эта поставлена Лениным, Сталиным, большевиками».

Горький в своих работах неоднократно цитирует т. Сталина.

В статье «Рабочим Магнитостроя», 1931 г., Горький пишет: «Я напомню то, что сказал т. Сталин в одной из своих речей, которые он всегда строит на проверенных фактах, на фактах творчества многомиллионного коллектива рядовых, «чернорабочих», строителей социализма. Он сказал: «У нас есть все об'ективные условия для победы, дело за нашей волей, за нашим разумом».

Слова Сталина приводятся Горьким также в заключительной речи на с'езде писателей, в статье «История деревни» и в ряде писем.

В заключительной речи на с'езде писателей в 1934 г. Алексей Максимович отмечает заботу тов. Сталина о повышении качества литературы.

Последние дни борца за коммунизм и беззаветного друга трудящихся Максима Горького совпали с днями, когда страна обсуждала Сталинскую Конституцию. Проф. А. Д. Сперанский, лечивший Горького, в беседе с сотрудником «Правды» сообщил следующее:

«С материалами и проектом новой Конституции он ознакомился еще в первые дни болезни и теперь восторженно говорил о них...

Горячо, с огромным чувством говорил о товарище Сталине, о его миссии, трудах и борьбе, о силе, с которой ставит и решает он великие вопросы подлинной культуры человечества» («Правда» от 20 июня 1936 г.).

Другой врач, проф. М. П. Кончаловский, рассказывает о посещении больного членами Политбюро.

«Алексей Максимович чрезвычайно оживился. Приезд великого вождя народов Советского Союза — товарища Сталина и его ближайших соратников вдохнул в больного новые силы и новую энергию. Ему стало значительно лучше». (Там же).

Нами приведены далеко не все мысли великого писателя о великом вожде. В огромном литературном наследстве (как опубликованном, так и неизданном) Максима Горького имеется еще немало его высказываний о товарище Сталине. Все они говорят о восхищении Алексея Максимовича деятельностью гениального вождя, о безграничной любви великого народного писателя к человеку, который ведет народы мира к светлому будущему.

И. В. Сталин и А. М. Горький.

Очень и очень рад, что Вы помогаете звезде. Трудно нам с ней чертовски — и внутренняя и внешняя и финансовая трудность необъятная — а всё же пока тянем.

Автограф письма В. И. Ленина к М. Горькому (февраль—март 1912 г. Париж).

Мысли М. Горького

Книга, быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего.

(Предисловие к каталогу издательства «Всемирная литература», 1919).

★

Цель литературы — помогать человеку понимать себя самого, поднять его веру в себя и развить в нем стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душах стыд, гнев, мужество, делать все для того, чтобы люди стали благородно-сильными.

(«Читатель» 1898).

★

Пятилетка строит не только гигантские фабрики, но и создает людей колоссальной энергии... Литераторам и критикам не следует забывать, что они живут перед лицом и в окружении таких людей, что тысячи их идут в литературу и прессу, как на боевые участки культурной революции.

(«О литературе и прочем», 1931).

★

Когда-то, в древности, устное художественное творчество трудящихся служило единственным организатором их опыта, воплощением идей в образах и возбудителем трудовой энергии коллектива. Нам следует понять это.

(Доклад на I всесоюзном с'езде советских писателей, 1934).

Воспоминания Анны Кирилловны

Ровно год назад, в день смерти А. М. Горького, 18 июня 1936 года мне довелось быть в г. Горьком у Анны Кирилловны Заломовой — матери Петра Заломова, одного из организаторов Сормовской рабочей демонстрации в начале 900-х годов.

Повесть «Мать» она читала сама и читала не раз.

Говорит скромно, что образ матери в повести не с нее списан — «таких матерей много тогда было, а вот сына действительно списали». О сыне она говорит с любовью и гордостью: «его все знали».

Но предоставляем слово самой Анне Кирилловне.

— Алексея Максимовича я видела один раз, когда он еще сиротой был, годов пяти. После смерти отца он с матерью приходил к нам, в Нижнем на улице Жуковской, что около Сенной. Алексея Максимовича я знала со стороны его матери, она постарше меня была. Каширин, дед Горького, был плотником, а летом ходил в бурлаки. Каширин был крестным отцом моей матери, а моя мать была крестная матери Горького, Варвары Васильевны.

15-ти лет сын мой Петр стал заниматься политикой. Когда ему стало 16 лет, поступил в кружок Невзоровой. Там Горький и познакомился с ним.

25-ти лет Петра арестовали, а в следующем году его сослали. Горький помогал средствами ему и всем тем, кто был сослан. Петру он посылал по 15 рублей в месяц в ссылку и обед ему давали от Горького, когда Петр сидел под арестом в Нижнем.

Слыхала я, но сама не помню, что Горький елку делал для бедных детей. Учащиеся ходили, помогали Горькому в бедных кварталах детей собирать, списывали, сколько детей и какие. Тогда Горький еще жил на Канатной улице.

В девятом (1909) году я ездила в Иваново-Вознесенск с прокламацией. И из Нижнего в Сормово ездила в 1901—1902 годах. Жалко мне сына было. Бывало, скажу Ладыжникову, который в Нижнем жил, с Петром работал: «Ничего у вас не выйдет, сына жандармы арестуют, давайте я поеду вместо него». Возьму ведро, положу несколько тысяч листовок, внизу листовки накладаны, а сверху кислая капуста. Сажусь на поезд, а мне и говорят: «Куда прешь с капустой?». Я и говорю: «Подарки везу, в Сормове такой капусты нет». Знамена даже, которые 1 мая вышли во втором (1902) году возила в Сормово из Нижнего. Мне сказали, что нужно отвезти знамена, я и пришла к нему, Ладыжникову-то. Он мне дал знамена, а сам от меня отошел. Обернула я знамена вокруг себя, да и говорю: «До свиданья, Иван Павлович». А он и говорит: «А вы знамена забыли». А я кофту отвернула да знамена и показала — «вот они здесь». Ну, он и похвалил меня.

На демонстрации сын мой Петр нес знамя, да еще другие люди знамена несли. Когда скомандовали солдатам стрелять в них, сынок шел со знаменем, солдаты прикладом выбили знамя из рук и били его прикладами до бессознания.

На следующий день соседки мне и говорят: «Ты, говорят, слышала, что разбойника с флагом взяли на штыки, из него кишки так и выпали». А я не вытерпела, да им и говорю: «Это не разбойник, это мой сын, не было этого». Тут все они от меня и разбежались.

Потом Горький не раз Петю по-приятельски встречал, говорил: «Пиши, пиши для молодежи!».

А повесть Горького — правильная, изображает, как должны поступать матери, которые за дело детей стоят. Она правильно изображает жизнь рабочего класса, тогда мало кто интересовался этой жизнью.

Жалею, очень жалею, что помер Горький. Жалко, очень жалко такого человека, добродушный, отзывчивый был.

Записано Н. КОМОВСКОЙ.
(18 июня 1936 года).

О. ЦЕХНОВИЦЕР

Знамя революционной борьбы

1.

Он принадлежал к поколению тех людей, юность которых протекала в годы реакции, охватившей не только Россию, но и все страны Европы. Горький родился в 1868 году, Ромэн Роллан — в 1866 г., Мартин Андерсен Нексе — в 1869 г. и Анри Барбюс — в 1874 г.

Когда эти люди входили в жизнь, в России правил Победоносцев, а Буланже вел Францию к реваншу. Русские Разуваевы, Колупаевы, Передоновы и Морозовы были современниками дельцов Панамы и мракобесов, организовавших дело Дрейфуса. Как повествует Роллан в своем «Прощании с прошлым», он около 1900 года, совместно с горсткой французской молодежи, «носившей на себе печать Бетховена и «Воскресения» Льва Толстого, пошли в атаку против политики лжи и преступлений буржуазной цивилизации». О настроениях этой передовой молодежи повествует и Жан-Ришар Блок в своей книге «Судьба века» (Destin du Siècle).

Но взгляды этих юношей, пытавшихся вырваться из духоты французской столицы и провинций, пробиться через толщу мелкобуржуазных предрассудков, были туманны и расплывчаты. Они зачастую были охвачены чувством пессимизма и отчаяния. Недаром в эти же годы Барбюс публикует свой первый, насквозь пессимистический, сборник стихов «Плакальщицы» («Pleureuses»).

Название этой книги не случайно. Эти люди скорбели об уродстве, дисгармоничности и преступлениях своего времени. Они были полны решимости драться, но не знали и не видели еще тех идеалов, которые могли осветить их жажду подвига. И в эти же годы в России твердой и уверенной поступью вошел в литературу новый писатель, представитель того класса, которому история вручила судьбы грядущего.

Приход Горького в литературу сразу же приобрел мировое значение. И в России и за рубежом даже представители реакционной критики не могли не признать того большого и нового, что внес с собою в литературу Горький.

Передовая русская критика отмечала, что с приходом Горького «повеяло морским соленым ветром в удушливой атмосфере русского общества», что «молодое поколение 90-х годов, измученное социологическим пессимизмом народничества, убогим мещанством восьмидесятников, с жадностью приникло запекшимися устами к бьющему обильной струей свежему и бодрому оптимизму Горького».

Буквально все передовые современные критики приводили одни и те же образы, характеризующие появление в литературе молодого писателя. Все они говорили о том луче солнца, той свежей струе воздуха, которая внезапно ворвалась в душный и темный подвал. Эти же самые образы были повторены зарубежной прессой. И в это время Горький не только завоевывает Запад, но и Восток. Он становится одним из самых популярных писателей в Японии. Его отдельные произведения переводятся в Китае.

Горького приветствуют все передовые представители мировой общественности.

В это время В. Ленин в своей статье «Начало демонстраций» (1901 год) говорит о Горьком как о «европейски-знаменитом писателе» *. Повести Горького переводятся на все языки, и его пьесы не сходят с театральных подмостков. В одном Берлине пьеса «На дне» в 1903 году была сыграна 500 раз, — цифра совершенно для того времени невиданная. Горький становится популярнейшим писателем в Италии, причем главными его читателями являются итальянские рабочие. Эти симпатии к Горькому были вызваны ощущением той силы и веры в грядущее, той большой человечностью, неустанным исканием справедливости в социальных отношениях, борьбой против порабощения человека, которыми были отмечены все произведения нового автора. Австрийский критик Александр Браунер в «Die Zeit» (1900 г.) пишет по поводу героев Горького: «Не они ли настоящие люди, а мы — бывшие?». Гуго Ганц в «Neue Freie Presse» (1901 г.) заявляет, что Горький — «писатель, который открывает новые шахты, разрабатывает новые залежи». Французский критик де-Вогюе отмечает, что Горький поднял знамя протеста и что этим надо об'яснить огромный интерес к нему со стороны европейского читателя: «Знамя протеста — вот символ его влияния. Разочаровавшись в старых вождях, люди, естественно, ищут новых руководителей».

* Ленин, собр. соч., т. IV, стр. 345.

2.

Особенно возросло внимание к Горькому в Европе в связи с русско-японской войной.

Революционные бои, прокатившиеся по всей России, неразрывно связываются у европейского читателя с именами Ленина и Горького. И недаром в это время мы видим рост переводов произведений Горького на все европейские языки. Здесь законное стремление со стороны зарубежного читателя познать русскую революцию через художественные произведения писателя, который сам принадлежал к тем, кто поднял знамя борьбы.

К этому времени Горький уже встретился с Лениным.

Ленин становится наставником и руководителем художника революции.

Не случайно об этой знаменательной встрече вспоминал Алексей Максимович на смертном одре.

Лечившему его проф. А. Сперанскому он как-то ночью рассказывал: «Я об этом еще не писал, да, кажется, и не говорил. Увиделись мы в Петербурге, не помню где. Он маленький, лысый, с лукавым взглядом, а я большой, нелепый, с лицом и ухватками мордвина. Сначала както все не шло у нас. А потом посмотрели мы друг на друга повнимательней, рассмеялись и сразу обоим стало легко говорить».

Да, они были родные, и дружбой с Лениным, так же как в последующем дружбой со Сталиным, отмечена революционно-писательская деятельность Горького. И недаром Ленин, когда буржуазные газеты Франции, Германии и России подняли травлю Горького, выступил в защиту товарища Горького, который «слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением» (Ленин). Эта травля была вызвана тем, что именно ко времени классовых боев первой революции относится ряд блестящих политических памфлетов Горького против капиталистов, против буржуазной демократии самых «передовых» республиканских капиталистических стран: Франции и Америки («Город желтого дьявола», «Прекрасная Франция» и др.).

Примкнувший к большевикам в годы первой революции, Горький выступает в своих памфлетах как международный пролетарский революционер.

Участник Лондонского с'езда партии большевиков, постоянный сотрудник ее изданий эпохи первой революции, Горький разделяет ту же судьбу, что и рядовые и руководящие члены партии. Он в эти годы развертывает огромную пропагандистскую деятельность. Горький обращается к французскому правительству и к французскому общественному мнению с призывом не давать денег царизму. Он в эти годы связывается с передовыми представителями европейского общества. Он пишет обращение к Анатолю Франсу, в котором желает видеть «собрата по оружию». Он пишет, что когда узнал, что во Франции образовалось «Общество друзей русского народа», то этот день был днем его великой радости. Он просит Анатоля Франса напрячь все усилия для деятельности в пользу освобождения русского народа от власти Романовых и их темной компании.

В эти же дни он помещает в газете «The Nation» обращение к английскому обществу, в котором агитирует против займа русскому правительству и рассказывает правду о борьбе русского народа с самодержавием. Он публикует открытое письмо Жан-Ришару, Жюлю Кларти, Рене Вивиани и другим журналистам Франции. Он пишет специальное воззвание к французским рабочим и обращается с приветом к демократической Италии и итальянскому пролетариату. Он принимает участие в организации международного комитета для помощи русским безработным рабочим и пишет воззвание ко всем рабочим Европы.

Это воззвание, подписанное Горьким, было напечатано в бюллетене «Международного социалистического бюро» и в социалистических газетах почти всех стран в июле—августе 1906 г. Опубликованная вскоре его историческая повесть «Мать» имела огромное значение для ознакомления читателей всего мира с подлинным значением и подлинным смыслом революционных боев, охвативших Россию.

В неразрывной связи Горького с большевизмом была его сила. Если многие из значительных писателей Европы не выдержали испытаний мировой войны и примкнули к шовинистам или стали на отвлеченные пацифистские позиции, то другое мы видим у Горького.

В эти дни оргий империалистического шовинизма, в дни, когда в лагерь буржуазии открыто перешли вожди II Интернационала, когда меньшевистское ликвидаторство в России превратилось в социал-шовинизм, Горький остался на стороне борцов против войны и породившего ее капитализма. И в эти дни национальной разобщенности народов, разделенных траншеями и колючей проволокой, Горький начинает сплачивать вокруг организованного им журнала «Летопись» лучших представителей мировой интеллигенции. Он обращается со специальными письмами к Ромэн Роллану и Бернарду Шоу, он использует все возможности легальной прессы для того, чтобы рассказать массовому читателю правду о хищнической войне, затеянной империалистами.

Горький оказывается на голову выше современных ему писателей. Ромэн Роллан в своем «Привете Горькому», написанном ко дню 40-летия литературно-боевой деятельности писателя революции, говорит: «Горький составляет одно целое с совестью пролетариата. Он — интеллектуальное его увенчание. Горький и пролетариат неотделимы друг от друга. Я не так счастлив: в течение 30 лет мне пришлось тщетно искать свой народ, чтобы пустить в него корни... Я ждал его, призывал с самого детства. Почва кругом меня была истощена, иссушена. Но я протянул свои корни и достиг под почвой Европы плодородных пластов русского народа, необ'ятной жизни, пробужденной в глубинах СССР. В конце этой подземной работы мои корни встретились с корнями Горького, и они братски сплелись с ними».

Корни Горького в годы Великой пролетарской революции сплелись с корнями всех честных людей всех стран и народов. К его голосу прислушиваются передовые литераторы Запада и Востока. Он оказывает огромное решающее влияние на многих крупнейших художников слова не только нашей страны, но далеко за ее пределами. Как был прав Ленин в своем глубоком и прозорливом определении: «Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению».

3.

В последующие годы Горький своими литературными трудами и выступлениями мобилизует писателей и читателей всех стран на борьбу с фашизмом. Он учит писателей революционной принципиальности и разоблачает происки врагов социалистической родины.

Горький становится подлинной совестью всего передового человечества. К его голосу прислушиваются миллионы. По его пути начинают итти лучшие представители мировой интеллигенции. Разоблачая буржуазный гуманизм, Горький раскрывает его подлинный смысл.

В эти дни Горький пишет: «Нет нужды доказывать лживость и лицемерие буржуазного «гуманизма» в наши дни, когда буржуазия, организуя фашизм, сама вышвыривает свой гуманизм, как изношенную маску, которая уже не прикрывает морду хищного зверя, вышвыривает потому, что поняла гуманизм как одну из причин своего раздвоения и гниения...»

Эта принципиальность, прямота, эта сила и мужественность Горького и привлекли к нему общую любовь трудящихся всех стран. И недаром лучшие люди современности восприняли смерть Горького как непоправимую потерю.

Ромэн Роллан, узнав о смерти своего друга и собрата, писал: «Я — лишь один из миллионов, для которых смерть Горького—величайшая потеря человечества со времени смерти Ленина. Горький был первым, высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим путь для пролетарской революции, отдавшим ей все свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт человека, с детских лет вкусившего ту нищету и унижение, которые составляют удел порабощенного пролетариата. Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собою, он спас своих товарищей по страданиям».

К Ромэн Роллану присоединяются Андре Виоллис, Люк Дюртен, Андре Шамсон, Поль Низан, Жан Кассу и др. Жан-Ришар Блок в эти дни писал, что Горький «остался верен пролетариату, революции — этому образу возрождающегося человечества, который он носил в себе».

Коммунистка, героическая Долорес Ибаррури (Пасионария) сказала про Горького, что «он был одним из наших, человеком нашей партии».

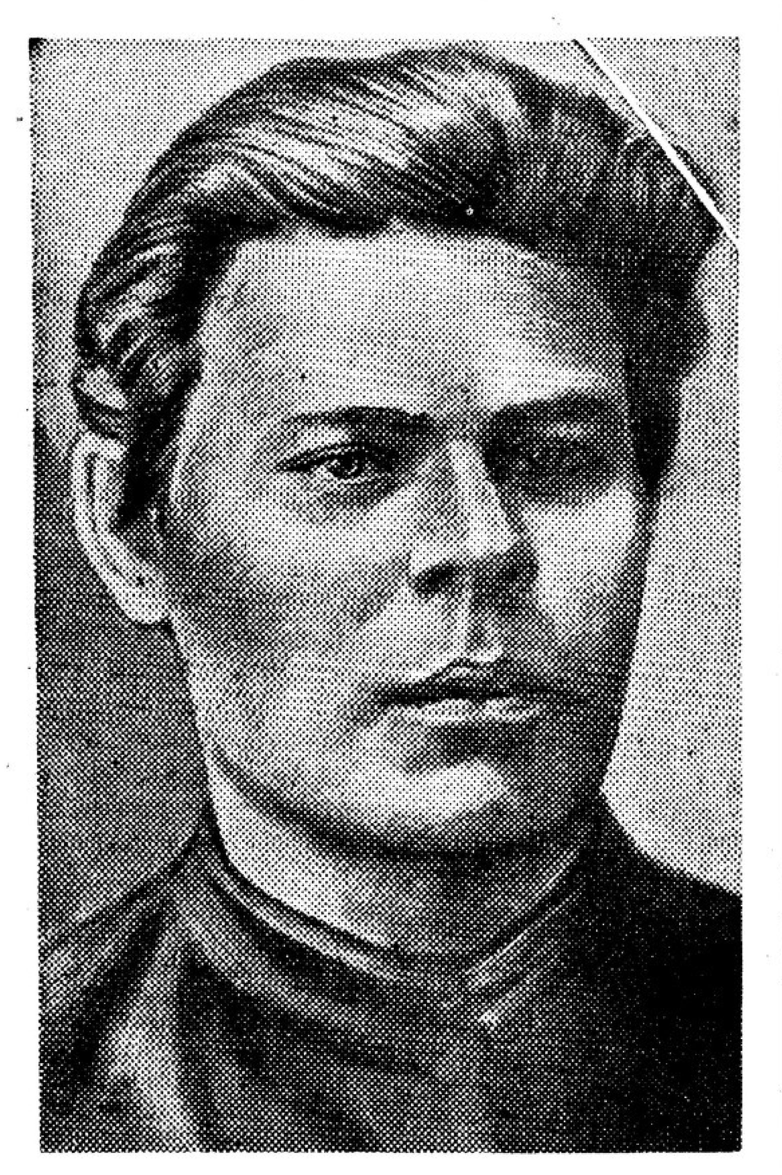
Память этого человека свято чтут не только литераторы Европы, но и бесстрашные бойцы Испании, и героические деятели антифашистского движения в Германии и Италии.

Имя Горького стало не только знаменем революционной литературы всех стран, но и знаменем пролетарской революционной борьбы.

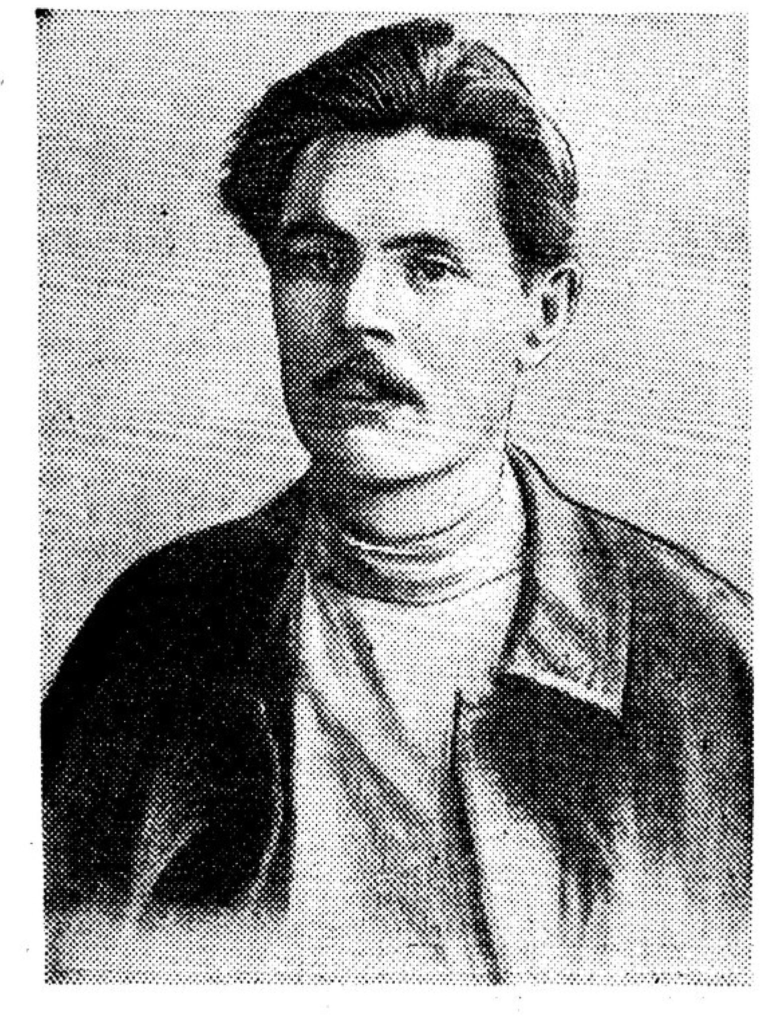
ПОСЛЕ ЛЕНИНА СМЕРТЬ ГОРЬКОГО—САМАЯ ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

(В. МОЛОТОВ)

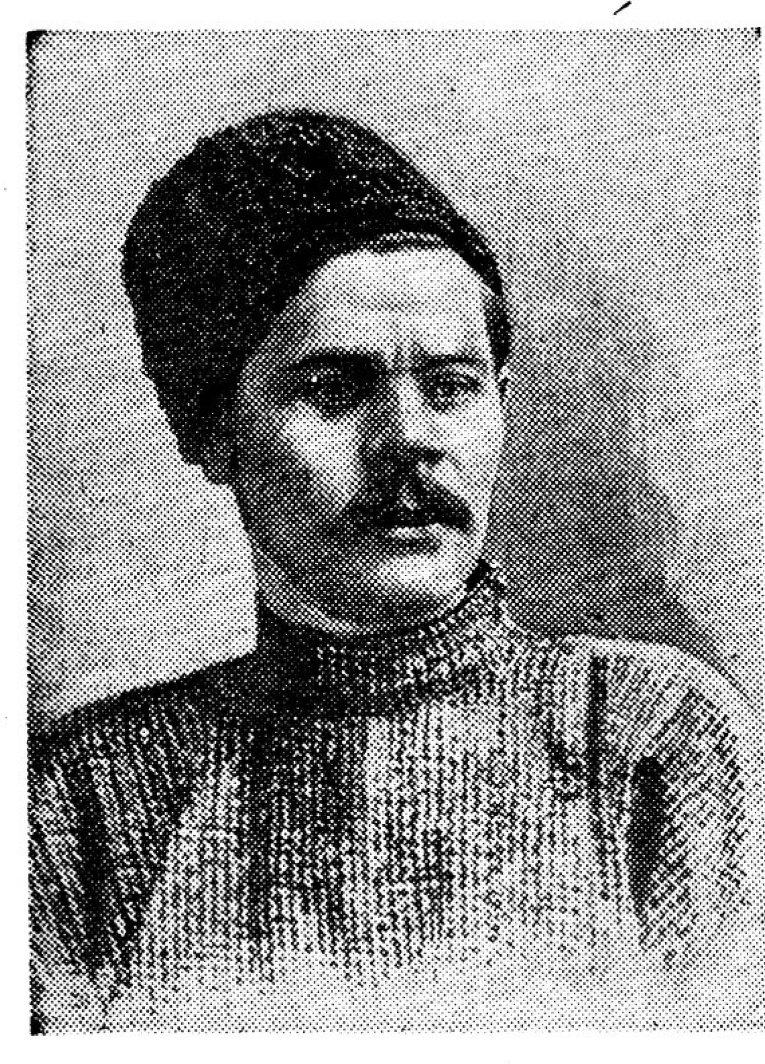
М. Горький в фото

Середина 80-х гг.

1895 год.

Конец 90-х гг.

М. ГОРЬКИЙ

Публика

Неопубликованный отрывок из повести

Душная летняя ночь, без звезд и луны, властно окутала город и как большое, утомленное животное он глухо рычал, погружаясь в сон.

Медленно и зловеще двигались черные облака, опускаясь тяжелым покровом все ниже и ниже к земле, покрытые пылью деревья городского сада стояли неподвижно, точно они задохнулись и умерли в душной тьме.

В темный, густо заросший угол сада, где я лежал, доносилась военная музыка, — играли марш, в нем был слышен топот лошадей, плач женщин, чья-то прощальная песнь, и эти звуки, сливаясь с ними, заглушало тяжелое дыхание паровой машины на осветительной станции.

Где-то далеко, во тьме среди деревьев тревожно сверкали огни, и казалось, что они хотят оторваться от земли и улететь в печальное, темное небо.

Я лежал на старой, расшатанной скамье, под кустами акации, прислушивался, как голод сосет мое тело, у меня кружилась голова от слабости, и острое чувство злобы на жизнь — еще недавно терзавшее меня так же мучительно, как голод теперь, — это чувство умирало во мне.

Из-за поворота аллеи показалась маленькая круглая фигурка женщины. Неторопливо и качаясь с боку на бок, она подходила ко мне все ближе, вполголоса напевая, и скоро я разобрал слова ее песни.

Просидела день без дела,
Капитал свой весь проела...

Мелодия звучала задумчиво и грустно, но когда женщина заметила меня на скамье, она весело, заигрывающим тоном проговорила:

— Батюшки, кто-то лежит... ай, страх какой.

Я не ответил, не пошевелился.

И она прошла мимо, зорко присматриваясь ко мне, а пройдя, запела снова, но уже громче и с удальством:

Мил дерется, коль не сыт,
Милый сытый только спит...
Эх, я ушла бы от него,
Да нет на свете никого.

Ее песня оборвалась.

Мне показалось, что если я сяду и крепко сожму живот руками, то не буду так сильно чувствовать сухую боль голода. Тяжело повернувшись, я сел. Скамья жалобно заскрипела, и этот стонущий, тонкий звук заставил женщину оглянуться. Одинокая, тяжелая капля дождя упала мне на руку, и я зачем-то слизал ее языком.

Женщина незаметно воротилась и встала против меня.

— Ты что тут сидишь? — спросила она. — Пьяный, что ли?

— Уйдите, — ответил я. Я не пьян... и... вам не нужен...

— Да мне и никто не нужен, — спокойно и звонко сказала она. — Наплевать мне на всех вас.

Она подошла к скамье, села рядом со мной, зажгла спичку и, осветив мое лицо, протянула насмешливо:

— Н-ну и рожа...

Она закурила папиросу и стала раскачивать корпусом, — скамейка от этого скрипела, а мне казалось, что этот жалобный скрип раздается в моем теле. Папироса, вспыхивая, освещала лицо моей соседки. Это было миленькое круглое русское девичье лицо, с голубыми ясными глазами и еще не погасшим румянцем на полных щеках.

— Больной, что ли? — спросила она.

— Да, — ответил я.

Я пошла бы к своему краю,
Да родилась где — не знаю...

пропела девушка тихонько и в нос. Потом, не глядя на меня, спросила:

— Ночевать негде?

— Негде...

— Ну, вот. А я... всегда найду себе место... только захотеть... Ну, однако, не хочу...

И она, упрямо тряхнув головой, отшвырнула папиросу в кусты.

— Не хочу... Ты — голодный?

— Да, — тихо сказал я.

— А я — сытехонька... час назад — щи ела в трактире и котлеты... с луком... Горячие котлеты... вкусно. Чай — поел бы котлет?

Она засмеялась, звонким смехом, похожим на холодный звук разбиваемого стекла.

Мне захотелось уйти, но, встав на ноги, я пошатнулся и понял, что лучше уж сидеть здесь, чем валяться где-нибудь на улице.

— Не держат ножки-то! — заметила моя соседка и в ее голосе — мне показалось — прозвучала какая-то радость.

С минуту она молчала. Музыка перестала играть, и теперь в воздухе было слышно только усталое, тяжелое дыхание машины.

— Слушай! — вдруг, ласково и негромко, заговорила девица. — Хочешь я тебе дам... — близко наклоняясь ко мне, — двугривенный? а? Хочешь, ну?

— Дайте... — тихо сказал я, — я вам отдам... потом...

От предвкушения возможности поесть я даже задрожал всей жадной дрожью голодного.

— Видишь? Вот он двугривенный... вот! Сколько на него можно купить. Ты подумай!... два дня сыт будешь! Ну, дать?

Я молча протянул руку.

— Значит, дать?

Вдруг она громко засмеялась, ударила меня по руке, широко размахнулась и кинула монету в кусты. Я слышал тихий металлический звон — это двугривенный задевал ветки, падая на землю, во тьму.

Не понимая ее поступка, я молча смотрел на нее.

А она, отступив на шаг от меня, наклонилась и злым громким голосом заговорила:

— Видишь? Ты думал и вправду — дам я тебе на хлеб. Как же, нашел дуру... И если бы вас тут сотня с голоду издыхала — все равно... Прощай...

Она цинично выругалась и пошла прочь от меня. Но шагах в пяти снова остановилась и дрожащим голосом, в котором мне почудились слезы, глухо заговорила:

— Может ты и невинен, может и хороший человек... а — на вот! Терпи, за товарищей терпи, — понял? А я буду знать, что и сама тоже... Хоть один раз... одну собаку прищемила...

Голос ее обрывался и звучал все глуше... А мне казалось, что в лицо мое бьют тяжелыми, липкими комьями грязи, и я дрожал от боли, оскорбления, болей голода... и оттого еще, что я понял боль и муку ее сердца, отравленного грязью жизни.

Она пошла дальше, и ее маленькая фигура растаяла во тьме. Но издали, из густой тьмы до меня еще раз донесся ее голос:

— Скажи им... подлецам... коли не издохнешь тут...

Вокруг меня стало мертвенно тихо, только машина все вздыхала тяжелыми вздохами измученного животного, да огни вдали испуганно дрожали...

И земля подо мной кружилась, качалась, как будто пытаясь сбросить меня куда-то с груди своей, загрязненной людьми.

Из неопубликованного литературного наследия Горького большой интерес представляет повесть «Публика», написанная в начале 900-х годов. Она состоит из пяти новелл, одну из которых мы публикуем.

И. БАБЕЛЬ

Начало

Лет двадцать тому назад, находясь в весьма нежном возрасте, расхаживал я по городу Санкт-Петербургу с липовым документом в кармане и — в лютую зиму — без пальто. Пальто, надо признаться, у меня было, но я не надевал его по принципиальным соображениям. Собственность мою в ту пору составляли несколько рассказов — столь же коротких, сколь и рискованных. Рассказы эти я разносил по редакциям, никому не приходило в голову читать их, а если они кому и попадались на глаза, то производили обратное действие. Редактор одного из журналов выслал мне через швейцара рубль, другой редактор сказал о рукописи, что это сущая чепуха, но что у тестя его есть мучной лабаз и в лабаз этот можно поступить приказчиком. Я отказался и понял, что мне не остается ничего другого, как пойти к Горькому.

В Петрограде издавался тогда интернационалистский журнал «Летопись», сумевший за несколько месяцев существования сделаться лучшим нашим ежемесячником. Редактором его был Горький. Я отправился к нему на Большую Монетную улицу. Сердце мое колотилось и останавливалось. В приемной редакции собралось самое необыкновенное общество из всех, какие только можно себе представить: великосветские дамы и так называемые «босяки», корейские революционеры и арзамасские телеграфисты, духоборы и большевики.

Прием должен был начаться в 6 часов. Ровно в шесть дверь открылась, и вошел Горький, поразив меня своим ростом, худобой, силой и размером громадного костяка, синевой маленьких и твердых глаз, заграничным костюмом, сидевшим на нем мешковато, но изысканно. Я сказал: дверь открылась ровно в шесть. Всю жизнь он оставался верен этой точности,— добродетели старых, умелых, уверенных в себе рабочих.

Посетители в приемной разделились на принесших рукописи и на тех, кто ждал решения участи.

Горький подошел ко второй группе. Походка его была легка, бесшумна, я бы сказал — изящна, в руках он держал тетради; на некоторых из них его рукой было написано больше, чем рукой автора. С каждым из них он говорил сосредоточенно и долго, слушал собеседника с неотступающим жадным вниманием. Мнение свое он высказывал прямо и сурово, выбирая слова, силу которых мы узнали много позже, через годы и десятилетия, когда слова эти, прошедшие в душе нашей длинный, неотвратимый путь, сделались правилом и направлением жизни.

Покончив с авторами, уже знакомыми ему, Горький подошел к нам и стал собирать рукописи. Мельком он взглянул на меня. Я представлял тогда собой румяную, пухлую и неперебродившую смесь толстовца и социал-демократа, не носил пальто, но был вооружен очками, замотанными вощеной ниткой.

Дело происходило во вторник. Горький взял тетрадку и сказал:

— За ответом в пятницу.

Неправдоподобно звучали тогда эти слова... Обычно рукописи истлевали в редакциях по нескольку месяцев, а чаще всего — вечность.

Я вернулся в пятницу и застал новых людей: как и в первый раз, среди них были княгини и духоборы, рабочие и монахи, морские офицеры и гимназисты. Войдя в комнату, Горький снова взглянул на меня беглым своим мгновенным взглядом, но оставил меня напоследок. Все ушли. Мы остались одни, Максим Горький и я, свалившийся с другой планеты, из собственного нашего Марселя (не знаю, нужно ли пояснять, что я говорю об Одессе). Горький позвал меня в кабинет. Слова, сказанные им там, решили мою судьбу.

— Гвозди бывают маленькие, — сказал он мне, — бывают и большие, — и он поднес к моим глазам длинный, сильно и нежно вылепленный палец, — писательский путь, уважаемый пистолет (с ударением на о), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек — вас купят и продадут, вас затормошат, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дороге — великая честь, на каковые нелегкие действия я вас, сударь, и благословляю...

Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции «Летописи». Выйдя оттуда, я полностью потерял физическое ощущение моего существа. В тридцатиградусный, синий, обжигающий мороз я бежал в бреду по громадным пышным коридорам столицы, открытым далекому темному небу, и опомнился, когда оставил за собой Черную Речку и Новую Деревню...

Прошла половина ночи, и тогда только я вернулся на Петербургскую сторону, в комнату, снятую накануне у жены инженера, молодой неопытной женщины. Когда со службы пришел ее муж и осмотрел мою загадочную и юную персону, он распорядился убрать из передней все пальто и галоши и закрыть на ключ дверь из моей комнаты в столовую.

Итак, я вернулся в свою новую квартиру. За стеной была передняя, лишенная причитавшихся ей галош и накидок, в душе кипела и заливала меня жаром радость, тиранически требовавшая выхода. Выбирать было не из чего. Я стоял в передней, чему-то улыбался и неожиданно для себя открыл дверь в столовую. Инженер с женой пили чай. Увидев меня в этот поздний час, они побледнели, особенно у них побелели лбы.

— Началось, — подумал инженер и приготовился дорого продать свою жизнь.

Я ступил два шага по направлению к нему и сознался в том, что Максим Горький обещал напечатать мои рассказы.

Инженер понял, что он ошибся, приняв сумасшедшего за вора, и побледнел еще смертельнее.

— Я прочту вам мои рассказы, — сказал я, усаживаясь и придвигая к себе чужой стакан чая, — те рассказы, которые он обещал напечатать...

Краткость содержания соперничала в моих творениях с решительным забвением приличий. Часть из них, к счастью благонамеренных людей, не явилась на свет. Вырезанные из журналов, они послужили поводом для привлечения меня к суду по двум статьям сразу — за попытку ниспровергнуть существующий строй и за порнографию. Суд надо мной должен был состояться в марте 1917 года, но восставший в конце февраля народ снес обвинительное заключение, а вместе с ним и самое здание Окружного суда.

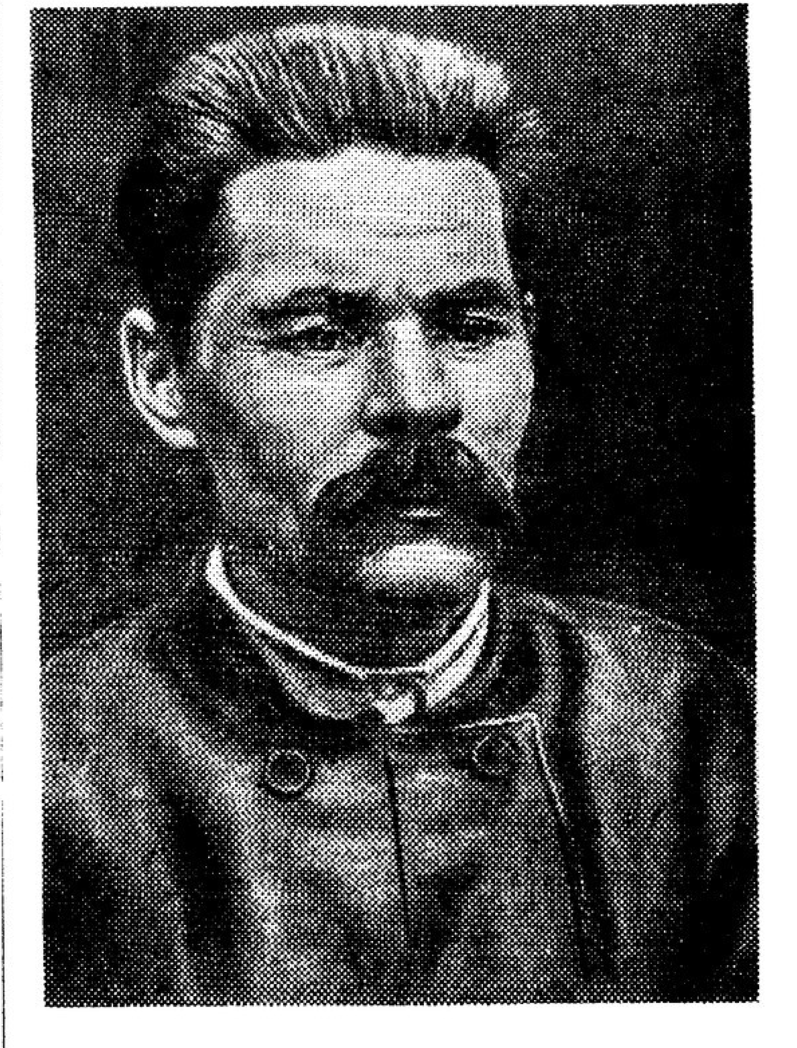
Алексей Максимович жил тогда на Кронверкском проспекте. Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день (от этой системы мне пришлось впоследствии отказаться с тем, чтобы впасть в противоположную крайность). Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец, мы оба устали, и он сказал мне глуховатым своим басом:

— С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте-ка посему в люди...

И я проснулся на следующий день корреспондентом одной неродившейся газеты, с двумя стами рублей под'емных в кармане. Газета так и не родилась, но под'емные мне пригодились. Командировка моя длилась семь лет, много дорог было мною исхожено, и многих боев я был свидетель. Через семь лет, демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку — «Пожалуй, можно начинать»...

И снова, страстно и непрерывно, стала подталкивать меня его рука. Это требование увеличивать непрестанно и во что бы то ни стало число нужных и прекрасных вещей на земле — он пред'являл тысячам людей, им отысканных и взращенных, а через них и человечеству. Им владела неослабевавшая ни на мгновенье невиданная, безграничная страсть к человеческому творчеству. Он страдал, когда человек, от которого он ждал многого, оказывался бесплоден. И счастливый, он потирал руки и подмигивал миру, небу, земле — когда из искры возгоралось пламя...

М. Горький в фото

1910 год.

1915 год.

1919 год.

И. ЛУППОЛ

Мастер идей

Великие писатели — не только мастера художественной формы, но и **мастера идей.** При оценке того или иного писателя богатство идей и их направление играют важнейшую роль.

Казалось бы, в литературно-художественном произведении идеи автора выражаются только в художественных образах. Это, конечно, так, и совпадение идеи и образа издавна считается одним из критериев художественности, одним из секретов искусства.

Тем не менее у каждого крупного писателя всегда чувствуется идейный подтекст, выраженный в определенном плане. Так, читая Гете, нельзя не чувствовать идейно-**философского** плана его стихов. Читая Льва Толстого, мы чувствуем определенный, специфически толстовский идейно-**религиозный** план. Читая «Что делать» Чернышевского или художественную прозу Герцена, мы ясно чувствуем их четкий идейно-**политический** план и притом революционного направления.

Великий русский писатель А. М. Горький стоит в первом ряду именно крупнейших **идейных** мировых писателей. Идея любого произведения А. М. Горького всегда ясна и доходчива. Она никогда не подавляется ни сюжетом, ни стилем, ни словесной оболочкой. Напротив, сюжет, стиль, язык — все это поистине помогает уразумению идеи произведения.

Идея в литературно-художественных произведениях Горького облекается в художественный образ, сливается с ним. И все же идеи художественных произведений А. М. Горького предстоят пред нами в определенном плане. Это **идейно-политический, публицистический** план.

Разнообразие художественных жанров, бывших доступными Горькому, необычайно, но в каком бы жанре он ни писал, **публицистическое острие** всегда налицо, и это-то и составляет великое достоинство его пера.

Поэзия Горького, как известно, немногочисленна, но тот поэт, который имел бы в своем активе такие вещи, как «Песня о соколе» и «Песня о буревестнике», уже заслужил бы название великого, а между тем разве не полны эти поэтические шедевры публицистического жара, гражданственной силы, политической остроты? Поэтическое произведение и служение революции были для Горького нераздельными понятиями.

Новеллы и рассказы А. М. Горького первые доставили ему славу. Он любил и культивировал форму кратких и вместе с тем художественно-завершенных рассказов. В них всегда необычайно ясно, ярко и выпукло представлена основная, в большинстве случаев значительная социальная идея.

В **драматургии** Горького публицистический план не менее силен, чем в его прозе. И в этом, независимо от других особенностей пьес Горького, их достоинство. Горький-публицист говорит со сцены не обязательно словами того или иного своего персонажа, он говорит пьесой в целом, на какую бы тему она ни была написана и кого бы он в ней ни выводил.

Романы Горького — еще большее доказательство этого замечательного единства искусства и публицистики. Популярнейший среди рабочих читателей всех стран роман «Мать» дает незабываемый образ революционерки—матери рабочего. Но сюжет романа не исчерпывается художественно рассказанной историей одной рабочей семьи. Его сюжет — революция 1905 года в целом. Весь публицистический стержень романа, усиливая его познавательное и революционно-действенное значение, привлекает к горьковской «Матери» сердца рабочих всего мира.

В романах Горького налицо теснейшая перекличка между художником-революционером и революционером-публицистом — перекличка, при которой разными голосами, т. е различными средствами, художник и публицист делают одно дело — разоблачают контрреволюционные социальные силы, вселяют к ним ненависть в умах читателей. А это дает еще новый аспект всему литературно-художественному творчеству Горького в его связи с публицистикой. Речь в данном случае идет не о публицистическом плане художественных произведений, а о выполнении художником, его средствами, того, что своими средствами выполняет публицист.

Еще в конце 1901 — начале 1902 года В. И. Ленин в своей знаменитой брошюре «Что делать» писал:

«Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми **прикрывает** каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки, его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас».

Такими «живыми картинами», такими «по горячим следам составленными обличениями» и являются рассказы и романы А. М. Горького.

Разоблачение звериного быта капитализма, внедрение в души читателей ненависти к нему, указание на революционную борьбу как на единственный путь преодоления капиталистической мерзости, обоснование того, что только революционный рабочий класс может быть руководителем в этой борьбе и освободителем человечества, — все это и составляет идейно-публицистический план художественного творчества А. М. Горького.

Но если Горький пронизывал свое художественное творчество острой публицистической мыслью, то, конечно, для него было вполне естественно и самому браться непосредственно за перо публициста. Эта непосредственная деятельность публициста сопровождает весь литературный путь великого писателя.

Свою публичную писательскую деятельность Горький начал с **рассказа,** помещенного им в **газете.** Вскоре же он стал профессиональным газетным работником, но его заметки, очерки, статьи, корреспонденции в газетах — и в «Нижегородском листке», и в «Самарской газете», и в «Одесских новостях» — не были ремесленничеством без души, хотя и были обусловлены элементарной потребностью заработка для жизни; напротив, они шли от жизни, преломленной в социально крайне восприимчивом уме Горького и прочувствованной в его горячем и отзывчивом на человеческое страдание сердце. Можно сказать, что хроникерские заметки А. Пешкова, фельетоны Иегудиила Хламиды, вся эта газетная работа, требовавшая постоянного, беспрерывного кипения в горниле жизни, была дорогой Горького в большую литературу.

Горький настолько сроднился с газетными столбцами, что когда впоследствии, во всей своей творческой жизни чувствовал необходимость говорить с читателем срочно, немедленно, сейчас же, ибо не говорить уже не мог, — он всегда откладывал перо беллетриста и брался за перо публициста.

В публицистике он видел равноправный литературный жанр, имеющий свое основание и необходимо обуславливаемый конкретными обстоятельствами. Часто возникали такие мысли, которые могли найти наиболее адэкватное выражение и дать наибольший эффект только в том случае, если они были выражены именно в публицистическом плане. Вот эта наибольшая **адэкватность** формы идейному содержанию и наибольшая **эффективность** и определяли у Горького выбор беллетристического или публицистического жанра.

Это обстоятельство влекло за собой существенную особенность творчества Горького, все его своеобразие и его величие как писателя: подобно тому, как в своей художественной прозе Горький был **прекрасным публицистом,** подобно этому в своей публицистике он был **великолепным художником.** В том-то и дело, что, переходя от беллетристики к публицистике, Горький не переставал быть художником. По богатству образов, по яркости выразительных средств, по тонкости отделки и вместе с тем по истинно художественной простоте изложения публицистика Горького соперничает с его художественными произведениями.

Наибольшего расцвета и по богатству тематики, и по силе выражения, и по задушевности изложения публицистика Горького достигла в последние годы его жизни. Примерно с 1927 года идет длинный ряд публицистических статей Горького, в которых он откликается на те или иные крупные политические события, достижения социалистического строительства, успехи культурной революции.

Прежде всего Горький выступает на защиту социалистической родины против всех врагов страны социализма. Он, как никто, знал все житейские улицы и закоулки царской, буржуазно-помещичьей России, всю ее скверну и мерзость, весь гнет, тяготевший над народом. Поэтому-то он и обрушивался с такой поистине гигантской силой на всех врагов социализма. С другой стороны, видя изумительные успехи социалистического строительства, меняющие не только лицо, но и всю социальную природу страны, Горький переживал новую юность. Он не мог молчать, и на столбцах газетных статей спешил поделиться со старыми и новыми поколениями читателей своей радостью.

Публицистические статьи Горького последних лет — это гимн социализму, который из мечты, идеи становится и уже стал действительностью, и притом гимн, слагаемый старым борцом, который сам не только мечтал о социализме, но и боролся за него. Немудрено, что для него были радостны и достижения в области промышленности, и успехи коллективизации в сельском хозяйстве, и укрепление Красной армии, и реальные свидетельства освобождения женщины, и чудесные поколения молодой поросли — пионеры, и расцвет культуры в СССР.

Этим темам посвящены многие и многие статьи Горького.

В малых и больших темах своих публицистических статей перед нами все тот же Горький — великий сын великого народа, беззаветный друг трудящихся, гениальный художник слова, вдохновитель в борьбе за коммунизм.

В статье «Десять лет» в 1927 году Горький писал: «Всю мою жизнь я видел настоящими героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят себе целью освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

В первом ряду таких людей и шел в своей жизни и литературной деятельности — художественной и публицистической — друг Ленина и Сталина, великий русский писатель Алексей Максимович Горький.

Простым людям, трудящимся, пример Горького показывает, что наш народ, как и другие народы, богат славными талантами, которым раньше лишь в исключительных случаях удавалось вырваться из-под спуда, а теперь открыт свободный путь к расцвету, к победам и славе.

(В. Молотов)

Иностранные писатели— Музею Горького

Иностранная комиссия ССП СССР обратилась с письмом к иностранным писателям с просьбой предоставить Музею Горького имеющиеся у них письма, автографы, статьи и другие материалы, касающиеся Горького.

На это обращение откликнулись писатели **Мартин Андерсен Нексе, Стефан Цвейг, Томас Манн, Герберт Уэллс, Оскар Мария Граф, Эмиль Людвиг, Вейскопф, Рудольф Фукс** и др.

Оскар Мария Граф предлагает выслать свою речь, произнесенную им после смерти Алексея Максимовича.

Стефан Цвейг выражает сожаление, что совсем недавно он отослал материал о Горьком в Университетскую библиотеку Иерусалима, в которую он теперь обратился с просьбой выслать точную фотокопию материала Музею Горького. Стефан Цвейг, прилагая копию своего письма Университетской библиотеке, обещает Иностранной комиссии, что в ближайшее время он пришлет сохранившийся у него автограф Горького.

Томас Манн, выражая сожаление по поводу отсутствия у него нужных материалов, пишет, что он «с большим интересом узнал о прекрасном плане создания Музея Максима Горького. Как писатель и почитатель великого русского художника я приветствую прекрасную идею и желаю успешного ее осуществления».

МИЛЛИОНЫ КНИГ ГОРЬКОГО — ДЕТЯМ

Около двух миллионов книг Горького даст детям в текущем году Детиздат ЦК ВЛКСМ.

В хорошем оформлении, с рисунками художника Б. А. Дехтерева, будет издана трилогия **«Детство», «В людях» и «Мои университеты»**. Каждая из книг издается **25-тысячным тиражом**.

В серии «Книга за книгой» выйдут рассказы **«Дед Архип и Ленька»** и **«Дети» — 100-тысячным тиражом каждый**.

Таким же тиражом вышла на-днях первая книжка «Историко-революционной библиотечки» — **«9 января»**.

Сверх плана Детиздат готовит специальную горьковскую серию. Десять названий этой серии — **«Макар Чудра», «Челкаш», «Сказки об Италии», «Дружки»** и др. — составят один миллион горьковских книжек для ребят.

Первый выпуск этой серии появится в продаже к годовщине смерти А. М. Горького.

Несколько сот тысяч книг Горького даст школьная серия Детиздата. Для школьников будут изданы: **«Детство», «В людях», «Мои университеты», «9 января», «Мать»** и **однотомник** избранных произведений Горького.

Последняя встреча

Известно, как много внимания уделял Алексей Максимович Горький русскому народному творчеству.

Очень интересовался Алексей Максимович и искусством Палеха.

Художники Палеха встретились с Алексеем Максимовичем на его даче **в Горках 5 июля 1935 года. Великий писатель** в беседе с нами как бы **подводил итоги** работе палешан за время революции.

Помню его слова:

— Меня особенно поражает и радует в ваших работах жизнерадостность, яркость красок, умелое композиционное построение сюжета и добросовестная, тончайшая техника отделки вещей.

Говоря о тематике наших произведений, Алексей Максимович выразил уверенность, что мастера, обладающие такой высокой техникой, сумеют создать произведения, отвечающие запросам социалистической эпохи.

Особенное внимание рекомендовал Горький уделить антирелигиозной тематике.

В нашей беседе принимал живейшее участие гостивший в то время у Алексея Максимовича друг нашей социалистической родины, французский писатель Ромэн Роллан.

Вскоре после встречи с Горьким у меня возникла мысль—дать на Парижскую выставку несколько произведений на антирелигиозные темы.

Со времени этой беседы я почти исключительно посвятил себя работе над антирелигиозными темами.

И. В. КОЛЕСОВ
художник-палешанин.

ГОРЬКОВСКАЯ ДЕКАДА В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

Центральный парк культуры и отдыха и Союз советских писателей СССР открывают сегодня в парке **декаду, посвященную памяти великого пролетарского писателя и борца за коммунизм А. М. Горького.**

Траурное собрание Академии наук и ССП СССР совместно с представителями московских общественных, научных и культурных организаций, состоится сегодня, в 7 ч. вечера, в Зеленом театре ЦПКиО. Вступительное слово на собрании произнесет **В. Ставский**. С речами выступят — академики В. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский, И. А. Орбели и советские писатели Вс. Иванов, А. Фадеев, К. Федин, Ф. Панферов, П. Павленко; Ф. Гладков, А. Новиков-Прибой и др.

ВЕЧЕР ГОРЬКОГО В ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

20 июня в Доме советского писателя состоится **вечер памяти А. М. Горького.**

С воспоминаниями о великом пролетарском писателе выступят: Вс. Иванов, П. Павленко, Ф. Панферов, А. Фадеев, К. Федин и другие советские писатели — прозаики, поэты и драматурги.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Певец пролетарской ненависти

«Равнодушие не должно иметь места». Так называется одна из статей А. М. Горького. Эти слова могут быть поставлены эпиграфом ко всему творческому и жизненному пути великого художника пролетариата. Холод равнодушия, нейтральное отношение к добру и злу, пассивное созерцательство, сладенький, бездейственный оптимизм, как смертный грех, были ненавистны этому человеку, чье сердце являлось вместилищем неукротимых страстей, чьи мысли и чувства всегда питались опытом самого передового, самого революционного класса.

Именно эти свойства борца и заставляли очень часто Алексея Максимовича браться за перо публициста.

Буржуазная критика долго внушала и Горькому и его читателям, что публицистика не призвание автора «Буревестника». Не приходится сейчас доказывать, что в основе этих «увещеваний» лежали те же побуждения, которые заставляли буржуазную и меньшевистскую критику об'явить бессмертное произведение Горького «Мать» стоящим «вне литературы».

Но хитроумная тактика врагов потерпела поражение. Горький был не из тех, кого можно было приручить или устрашить. «Равнодушие не должно иметь места». Таков был девиз художника, такова была его творческая программа, таково было веление его партийной совести. И гениально продолжая лучшие традиции русской литературы, он смело врезывался в самую гущу боев, наносил жестокие удары самодержавию, церкви, собственническому строю. Он громил либеральных болтунов, мягкотелых романтиков, смотревших на мир сквозь розовые очки вегетарианских теориек, страстно откликался решительно на все явления жизни, замалчивание которых он считал делом постыдным и недостойным писателя-гражданина.

Слив свою судьбу целиком и бесповоротно с судьбой революционного пролетариата, всем существом своим уверовав в правоту ленинско-сталинской партии, в непобедимость ее мощи, он черпал силы и вдохновение в подвигах масс, переделывающих мир и самих себя. В послеоктябрьские годы Горький мобилизовал всю силу своей ненависти, привел в движение весь необ'ятный запас своих знаний, пустил в ход огромный арсенал убийственных аргументов, на какие только способен был его могучий талант полемиста, для того, чтобы обезвредить врагов социалистической страны.

Горький ураганным огнем разрушал все хитросплетения «белоподкладочников» от культуры, анархиствующих мещан, кабацких индивидуалистов, слюнявых пацифистов, юродствующих мистиков, представших в дни смертельной схватки между старым и новым миром во всей своей неприглядной, отталкивающей наготе. В характеристиках, даваемых врагам, Горький достигал потрясающей художественной убедительности, умея буквально несколькими фразами уничтожить об'ект прицела, отрезать ему путь к отступлению, выставить на всемирное позорище.

Разве не классическим образцом сатиры является определение свойств русского «умника», самовлюбленного «интеллектуалиста», рассматривающего историю «с точки зрения удобства своих ягодиц» и, естественно, не одобряющего всего, «что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы» («Об умниках» — 1930 г.)? В одном абзаце Горький дает здесь изумительную картину трансформации этого умника применительно к тем преимуществам, которые в данный момент дает ему та или иная идеологическая мебель.

Горький не устает разоблачать гнилое мещанское нутро этой интеллигенции, привыкшей считать себя «солью земли» и искренно думающей, что без нее культура обречена на гибель. В знаменитых статьях «Механическим гражданам» СССР», «О солитере», «О белоэмигрантской литературе» и др. Горький со скульптурной выразительностью показывает трусливую и предательскую природу людей, воркующих о свободе личности, о культурных традициях, о принципах гуманизма, а на деле неуклонно порабощающих массы интересам капитализма, держащих народ в невежестве, сочувствующих и активно содействующих бесчеловечной политике буржуазии. Здесь великий пролетарский писатель адресуется не только к отечественному, но и к мировому мещанству, нашедшему свое законченное выражение во втором Интернационале. С глубокой и страстной ненавистью возвращается Горький в своей публицистике к фальшивой морали этих рыцарей капитала, к их подлой двоедушной практике обмана масс.

«Социалисты на службе капитала — одно из наиболее мерзостных явлений буржуазного мира. Чувствуя себя в прошлом грешниками против бога своего, они особенно ревностно и усердно служат ему в настоящем, всячески утверждая бытие божие. Они защищают и охраняют капиталистический «порядок», при котором возможна безработица для «свыше 20 млн. рабочих»... Они защищают рабство в колониях, которые, по признанию газеты «Матен», «являются, неот'емлемой частью цивилизации Европы»... Разумеется, «цивилизуют», не только сажая в тюрьмы, убивая, но и проповедуя изумительно гибкую религию христианства, для чего в колонии посылаются во множестве миссионеры, спиртные напитки, библии, гнилые ткани, опиум, а также старое оружие для междуусобных битв между разноязычным населением колоний. Все это, разумеется, гнусность, но к этому привыкли даже «гуманисты» Европы, «интеллигенты», люди, которые считают себя «солью христианской культуры». («Ураган, старый мир разрушающий» — 1931 г.).

Раз'ясняя трудящимся СССР и зарубежных стран истинную природу социал-демократии, вскрывая смысл всех контрреволюционных легенд, распространяемых агентурой капитала, вроде легенд о принудительном труде, о деградации личности в СССР, о падении нравственных устоев советской молодежи и т. п., Горький с особенной силой и страстностью обрушивается на буржуазный гуманизм, являющийся одним из наиболее тонких средств обуздания непокорных масс, отвлечения их энергии в сторону «всечеловеческих» надклассовых абстракций. Горький углубленно и настойчиво разрабатывает философию пролетарского, революционного гуманизма, ничего общего не имеющего с христианнейшим человеколюбием пресыщенных лордов, бездельничающих патронесс и лидеров второго Интернационала. Он становится певцом пролетарской ненависти, ибо «подлинный, искренний революционер Советских социалистических республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему» («Пролетарская ненависть» — 1935 г.).

Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены!

Таков лейтмотив статей Горького о буржуазном гуманизме, статей, которые советский читатель будет сейчас перечитывать с новым чувством, словно они только на-днях вышли из под пера неподкупного, сурового художника пролетариата. В них постоянно присутствует мысль о капиталистическом окружении, о бдительности, как главном условии нашего дальнейшего продвижения, о необходимости беспощадной, последовательной ликвидации всех, кто посягает на завоевания социалистической родины.

Не приходится доказывать, что Горький раньше и глубже всех художников современности постиг роль фашизма в подготовке нападения на Советский Союз, и ту страшную опасность, которую фашизм представляет для мировой культуры, для человечества. Трудно найти в советской и зарубежной литературе страницы, равные по сокрушающей силе тем, которыми Горький реагировал на деяния каннибалов XX века в Германии, Италии и других фашистских странах. Здесь мы сталкиваемся с высшим напряжением ненависти, передающейся читателю, как ток, ненависти от сознания, что «фашизм прежде всего — ничем не прикрытое, циническое истребление революционного, но безоружного пролетариата одичавшими, но вооруженными хозяевами, капиталистами» («Пролетарская ненависть»).

Вся «теоретическая» мишура, в которую пытаются одеть свою философию человеконенавистничества фашистские идеологи, разлетается, как дым, от разящих ударов публициста и мыслителя, вооруженного ленинско-сталинской мыслью. Для читателя остается непреложной истина, что он имеет дело с «организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей, для воспитания их домашними животными капиталистов», как писал Горький почти накануне своей смерти («О формализме» — 1936 г.).

В своем докладе на Первом всесоюзном с'езде советских писателей, в прекрасной статье о Парижском конгрессе защиты культуры и в ряде других выступлений Горький дал развернутый анализ сущности фашизма и, в частности, его «организующей идеи — расовой теории». Он не уставал повторять, что «теоретики и практики фашизма — авантюристы, выдвинутые буржуазией из своей среды» («О культурах»), люди беспринципные, равнодушные, «для которых «все — все равно» и которым безразлично, кого убивать», что «фашизм — есть порождение буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада, ее раковая опухоль».

Вполне понятно, что наибольшую злобу бешеной фашистской гадины вызывает Советский Союз, являющийся самым могучим оплотом трудящихся всего мира в их борьбе против строя рабовладельцев и насильников. Горький пламенно призывает народы этой страны — сомкнуть теснее свои ряды перед лицом фашистской опасности, не успокаиваться на достигнутых победах, как бы великолепны они ни были. Нужно помнить, что враг хитер и изворотлив, он постарается и внутри самой страны использовать недовольство элементов, которых революция лишила их эксплоататорских привилегий.

«В массе рабочих Союза Советов,— пишет Горький в статье «Гуманистам», — действуют предатели, изменники, шпионы бывших «хозяев страны», хозяев, которые хотели бы восстановить свои владельческие права — вполне естественно, что рабоче-крестьянская власть бьет врагов своих, как вошь».

А в «Литературных забавах» (третья статья) А. М. призывает помнить, что «банкиры, лорды, маркизы и бароны, авантюристы и вообще богатые жулики будут покупать и подкупать убийц, будут посылать их к нам для того, чтобы ударить в лучшее сердце, ярчайший революционный разум пролетариата».

Слова эти написаны по поводу гнусного убийства Кирова зиновьевско-троцкистскими бандитами.

Год, прошедший со дня смерти Горького, принес новые разительные доказательства его правоты и дальнозоркости. Только на-днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наемников — Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев. Преступники получили по заслугам. Можно представить себе, какого накала слова, какой грозной обличительной силы характеристики нашел бы верный сын революции А. М. Горький для того, чтобы заклеймить разоблаченную банду предателей и диверсантов! Каким набатом прогремела бы его речь, какой непримиримой ненавистью к врагу зажгла бы она сердца всех трудящихся и какой решимостью к дальнейшей борьбе за социализм, за полное торжество новой, подлинно человеческой и человечной морали, основы которой с гениальной простотой сформулированы в Сталинской Конституции!

А. М. Горький и Ромэн Роллан

А. М. Горький со своим сыном Максимом. (Снимок сделан в 1900 году)

Борец за литературу братских народов

Советская власть открыла перед литературами народов СССР поистине необозримые горизонты. Она дала национальным писателям возможность общаться со 170-миллионным читателем. Сейчас нет ни одного значительного советского произведения, написанного хотя бы на языке самого маленького народа, которое не стало бы достоянием всей советской общественности и не входило бы в общий фонд литературы страны социализма.

Результаты ленинско-сталинской национальной политики особенно чувствуются теми писателями из братских народов, литературная деятельность которых начиналась еще в условиях царской власти. Ведь в то время издание какой-нибудь «инородческой» книги в переводе на русский язык было мучительным предприятием. Если какому-нибудь «фанатику» приходило в голову перешагнуть границы национальной замкнутости и познакомить со своей литературой русских читателей, то он должен был искать богатого «мецената»— единоплеменника или обращаться к какой-нибудь «благотворительной» организации.

И если армянская литература явилась исключением из этих мрачных «правил», то это произошло всецело благодаря инициативе и поддержке Алексея Максимовича Горького.

К сожалению, роль Алексея Максимовича по отношению к литературам братских народов недостаточно освещена.

Незадолго до начала мировой войны Максим Горький приступил к осуществлению огромной программы показа литературы народов, деливших общую с русским народом политическую судьбу. В издательстве «Парус» должны были выйти сборники литератур: латышской, литовской, финской, армянской, грузинской, татарской, средне-азиатских народов и т. д. Некоторые из них уже вышли в свет до войны.

Максим Горький в 1915 году принял группу молодых армянских литераторов, оказал им моральную поддержку в их начинании, обласкал их и дал необходимые советы и указания.

Результатом этой исключительной заботы было появление двух больших антологий армянской поэзии и прозы в переводах лучших поэтов и переводчиков того времени: 1) «Поэзия Армении», которая вышла в свет в 1916 году под редакцией и с предисловием В. Брюсова и 2) «Сборник армянской литературы», вышедший в том же году под редакцией самого Максима Горького.

Горький был единственным писателем до революции, который ценил, любил литературу братских народов, знал эту литературу и открыл перед ней дверь в великую русскую литературу.

Поэтому, когда три года тому назад по инициативе правления Союза советских писателей СССР возникла мысль об издании новой антологии армянской поэзии, начиная с древнейших времен до наших дней, то армянская литературная общественность снова обратилась к своему старому другу Максиму Горькому с просьбой редактировать эту антологию. Горький и на этот раз не пожалел своего времени и труда и, несмотря на чрезмерную загруженность и болезнь, согласился быть главным редактором книги.

Незадолго до смерти Алексей Максимович отредактировал ее и дал необходимые, конкретные указания. Сейчас книга печатается. Она скоро выйдет в свет. К сожалению, вдохновитель и ценнейший редактор не увидит ее.

Но эта книга будет еще одним доказательством той неизменной любви великого пролетарского писателя, которую он питал к литературам братских народов.

КАРЕН МИКАЭЛЯН

Мысли М. Горького

Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой энергичный участник всего того, что творится в стране.

(Речь на пленуме правления союза советских писателей, 1935).

★

Художник — чувствилище своей страны, своего класса, ухо, око и сердце его; он — голос своей эпохи. Он обязан знать как можно больше и чем лучше будет знать прошлое, тем более понятным явится для него настоящее время, тем сильнее, глубже почувствует он универсальную революционность нашего времени и широту его задач.

(«О том, как я учился писать», 1928).

★

Многословно и давно уже спорят о том, надо ли учиться у классиков?

Мое мнение: учиться надобно не только у классиков, но даже у врага, если он умный. Учиться не значит подражать в чем-то, а значит осваивать приемы мастерства.

(«О литературе», 1931 г).

★

Побольше читайте хороших мастеров словесности... Следите за языком, обогащайте его.

(«Письма начинающим литераторам», 1930).

★

В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитивного хлама. Именно к этому сводится одна из главнейших задач нашей советской литературы... Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры.

(«О языке», 1934.)

★

История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей, вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий.

(«Беседы с молодыми», 1934).

★

Историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

(«По поводу одного рассказа А. П. Чехова». 1900).

★

Неоспоримая ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого.

(«О языке», 1934).

ЗАБОТА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ О НАЧИНАЮЩИХ

Неопубликованное письмо

1928, 23 октября.

ВЕРЕ ЖАКОВОЙ.

Судя по Вашему письму, Вы — человечек хороший, умный, значит— Вы не огорчитесь, если я скажу Вам правду, которая всегда более или менее горьковата, — такова уж ее природа.

Что Вы умница, — об этом говорит Ваша оценка Ваших же стихов: Вы пишите: «Мне кажется, что стихи мои никуда негодны, они плохие и я хочу бросить писать». Это — верно, стихи очень плохие, но Вы должны знать, что в 14 лет от роду и Лермонтов и многие другие прекрасные поэты писали тоже скверные стихи.

Нет, Вы не бросайте писать, но учитесь писать хорошие стихи, вот это будет правильно. Не печатайте, не торопитесь, заслужите чин поэтессы, почитайте мастеров стиха: Пушкина, Лермонтова, Фета, Фофанова, ...даже мрачного Сологуба. Если у Вас нет этих книг, — напишите мне, я Вам пришлю. И вообще напишите: не надо ли Вам каких-либо книжек? Читайте больше, внимательней, учитесь, учитесь и — кто знает? — может быть года через 3 — 5 лет начнете писать отлично. А пока пишите для себя, не показывая людям стихи Ваши. Это — для того, что неосторожные или мало сведущие люди могут похвалить Вас, а похвала— неосторожная, неумелая — может повредить Вам, милый мой далекий человечек.

Всего доброго!

М. ГОРЬКИЙ.

23/X—28 г.

Примечание. Оригинал письма А. М. Горького к Вере Жаковой хранится в Архиве А. М. Горького при Институте литературы имени А. М. Горького.

ГОРЬКОВСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

«Литературный критик»

Горьковская книга (№ 6) «Литературного критика» содержит много критических работ. В первую очередь из них нужно отметить статью **Ю. Юзовского «Герои и темы Максима Горького».**

Автор прослеживает творческую эволюцию Горького, дает анализ ведущих тем творчества великого пролетарского классика. Он резко критикует взгляды некоторых литературоведов, которые «в раннем романтизме (Горького) видят некоторый конфликт с позднейшим реализмом» и «стараются, если не ликвидировать, то обойти этот неприятный романтизм, отвоевать у него максимум горьковской территории».

Статья **И. Сергиевского** знакомит с борьбой Горького против декадентской литературы. С этой работой тесно соприкасается перепечатываемая из «Самарской газеты» (1896 г.) статья Горького «Поль Верлен и декаденты», в которой писатель вскрывает социальные корни декадентского творчества. Статья полна глубоких мыслей и тонких замечаний писателя. Она ярко отражает отношение молодого Горького к поэзии Маларме, Верлена.

«Декаденты, — пишет Горький, — люди, изнемогавшие от массы пережитых впечатлений, чувствовавшие в себе поэтические струны, но не имевшие в душе камертонов в виде какой-либо определенной идеи, — юноши, желавшие жизни, но истощенные еще до рождения».

В номере впервые публикуется статья **Горького «О реакционном романтизме, «народности», Жуковском».** Статья взята из курса истории русской литературы, читанного писателем в 1909 г. рабочим в каприйской партийной школе.

В журнале печатаются также критические статьи **В. Александрова — «Образ матери», Андрея Платонова— «Пушкин и Горький», А. Лаврецкого — «Историко-литературные взгляды Горького»** и др.

«Интернациональная литература»

Русская и иностранные редакции журнала «Интернациональная литература» отмечают в июньских книгах первую годовщину смерти Горького различными материалами.

В русской книге журнала печатается большая статья **А. Лейтеса «Пафос Горького».**

Французская редакция опубликовала за год малоизвестные рассказы Горького, новый текст пьесы «Васса Железнова», письма писателя к Леониду Андрееву и Чехову, статьи А. М. об искусстве, литературе и т. п.

В шестой книге французская редакция помещает передовую под заголовком **«Год без Горького»**, а также статью **А. М.** о **«Сирано де Бержерак»**, напечатанную в 1900 году **в** «Нижегородском листке». В одной из последующих книг французская редакция будет печатать главы из четвертой книги «Клима Самгина».

Английская редакция «Интернациональной литературы» печатает воспоминания **Георгия Штorма и И. Бабеля**, а также рассказ **Горького «Страсти-мордасти».**

Немецкая книга журнала **даст** своим читателям впервые переводимый на немецкий язык рассказ **«Страсти-мордасти»** и отрывок **из** четвертой книги **«Клима Самгина».** Кроме того будет напечатана статья **Г. Лукача «Человеческая комедия в дореволюционной России».**

...РАБОЧИЕ И ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ ВИДЯТ В ГОРЬКОМ СЕБЯ, СВОЕГО ЧЕЛОВЕКА, СВОЮ ЖИЗНЬ—СУДЬБУ, СВОЕ БУДУЩЕЕ.

(В. Молотов)

Иллюстрация **Д. Дерана** к рассказу М. Горького **«Страсти-мордасти»**

В. ТРОЙНОВ

ИЗ ЗАМЕТОК СОВРЕМЕННИКА

1902 год. В квартире Леонида Андреева, на Пресне, очередная литературная «среда». Налицо вся головка средовских завсегдатаев. В числе гостей—артисты Московского Художественного театра, адвокаты, газетные сотрудники. На этот раз собрание особенно многолюдно: А. М. Горький должен читать свою новую пьесу «На дне», но его еще нет.

Хозяин нетерпеливо прислушивается к каждому звонку. Наконец появляется Горький. Он, как всегда, в черной суконной рубашке, брюки—в сапоги. Смущенно улыбается, здоровается на ходу, как бы убегая от обступивших его почитателей. Горького усаживают за чайный стол. Идет разговор о последних литературных новинках. Кто-то спрашивает Горького о рассказе Зайцева. Рассказ только что напечатан в газете «Курьер», но Горький уже успел прочесть его.

— Вещь надуманная. Человек схватил на сквозняке насморк. Простое дело, право. Но и тут непременно хотят пристегнуть космос или неведомые силы хаоса... Мода такая пошла.

Зайцев сидел тут же, за столом. Вначале меня несколько покоробило от такого резкого суждения в присутствии автора, но потом я убедился, что это было обычной манерой Алексея Максимовича—говорить откровенно. У него не было личной злобы против писателя. Имя являлось для него только прицелом, чтобы разгромить вредные течения новой литературы, стремившейся оторвать людей от борьбы, от земли, создать индивидуализм и голую символику.

Леонид Андреев выступил на защиту Зайцева. Горький не пощадил и Андреева, который в ту пору считался его другом и подопечным.

— И ты, Леонид, повинен. Честное слово... Мысль — наши крылья. Она выносит нас из болота... А ты что сделал с нею в своем рассказе *? Превратил ее в ложь. Накинепал на нее. Нехорошее дело, братец.

Горький поразил меня своей начитанностью и знанием истории. Когда тот же Андреев заявил ему, что он задумал написать несколько рассказов из древнеиудейской жизни, Горький посоветовал ему прочесть Греца, Ренана.

— Я читал библию, и мне этого достаточно,—заносчиво ответил Андреев.

Горький дал ему отповедь.

— От библии сильно воняет теологией. Писателю нужна эпоха, дух ее. Вот возьми Маколея. Читаешь его, и видишь перед собой даже улицу, где происходит событие... У домов дымят плошки с маслом. Темнота, туманище. По ночам из чердаков опорожниваются ведра с нечистотами. Буйствует «золотая молодежь». В монастырских притонах проститутки, фальшивомонетчики и всякая сволочь. И конечно—застенки, казни. Тошнит от крови... Думаешь, это роман? Нет, подлинная история «блестящего» царствования Карла II. А какая лепка лиц! Кажется, тень от них падает на страницы. Право... А что у нас? Уничтожь название книжки, и не узнаешь, когда произошло описываемое событие. Не то при московском полицмейстере, не то во времена протопопа Аввакума. Не хорошо пишем...

После чая Горький приступил к чтению пьесы. Он сильно волновался. Руки не находили себе места. Он то оглаживал угловатый подбородок, то проводил по зачесанным кверху волосам. Состав действующих лиц и описание картины первого действия прочел вяло, точно нехотя. Чувствовалась неуверенность в аудитории. Ну, кто знает по-настоящему ночлежку? Большинство присутствующих принадлежало к сытым, довольным людям, разрешающим социальные проблемы подпиской или концертами в пользу бедных.

Но, когда Горький перешел к диалогам, он стал неузнаваем. Его голос послушно переходил от одной интонации к другой, мимика и жесты дополняли изображение действующих лиц. Горький удивительно живо и сочно представил всю группу своих героев с их поразительным разнообразием характеров. Вот голос умирающей Анны, ее разговор с хитроватым Лукой, умеющим примирить самые острые жизненные противоречия. Вот короткие, презрительные реплики барона и истерический голос Насти, мечтательно рассказывающей о воображаемом по французскому роману незабвенном друге Рауле. За ними—сильные страстями Васька Пепел и Василиса, спившийся актер, Наташа, Бубнов, крикливый, ломающийся Алешка, тупой полицейский Медведев, по понятию которого «верблюд ноздрей слышит».

А вот презирающий мещанское счастье, уверенный в силе и правде человека Сатин. И так все семнадцать лиц, выступающих, как живые. Горький читал просто, без театрального пафоса. Его нижегородский, окающий выговор, здесь, в читке, совершенно не чувствовался. В двух-трех сценах Алексей Максимович поднес к глазам платок и украдкой смахнул накатившиеся слезы: жалел чуткую, ищущую хорошей любви, Наташу. Песню «Солнце всходит и заходит» не прочел, а пропел, слегка дирижируя, по-певчески, рукой.

Позднее, я видел пьесу «На дне» на сцене Московского Художественного театра. В постановке видна была большая продуманность талантливых режиссеров, захваченных новизной сюжета. Артисты играли с большим под'емом и четкостью. В публике говорили, что все артисты во главе с К. С. Станиславским ходили по ночлежкам Хитрова рынка и изучали типы их обитателей, а Вишневский, чтобы войти в роль татарина, зазывал к себе на квартиру всех старьевщиков-татар и чуть ли не распродал весь свой гардероб.

Но в основном тон пьесы остался тот же, что и при горьковской читке. Очевидно, это был тот предел, который нельзя было переступить без нарушения художественной правды. По-новому сыграл только В. И. Качалов. Вернее: в роли барона он дал образ, соответствующий пьесе,—образ деклассированного светского человека, органически сросшегося с босяцкой средой. В чтении же Горького барон выглядел обыкновенным пропойцей-интеллигентом.

Во время чтения пьесы все сидели точно приросшие к месту. Боялись чиркнуть спичкой. Когда Горький кончил, все взволнованно молчали. Не хотелось сбиваться на обычный гостиный разговор.

— Обидели вы нашего старичка, Льва Толстого,—сказал один из литераторов.—Вот подите же... Величайший изобразитель человеческих душ... И тоже писал о ночлежках, босяках. И проглядел, можно сказать, рассыпанное в грязи богатство. Все у него сводится к мистическому пониманию «жить по-божьи». И на босяков смотрит как на «нищих христовых». А вот вы, Алексей Максимович, дали настоящую правду. Реальное—только человек. Надо глубоко верить в человека, и как вы хорошо сказали, «человек может добру научить... очень просто».

После обмена мнений, точнее, восторженных отзывов, к Горькому подошел Андреев и шутливо спросил его:

— Куда ты будешь деньги девать, Максимыч? Публика после пьесы еще больше кинется на твои книги.

Горький улыбнулся, похлопал свой ус.

— Это мне на сапоги пойдут. — И вслед за этим серьезно, озабоченно добавил: — Ладыжникову для эмигрантов дать нужно. Семьям петропавловцев дать нужно. Стачечникам тоже надо подкинуть. Витте, братец, скупой мужик. Помощь революции не включил в государственную роспись... А вот тут насчет Толстого говорили. Подождите. Талантище его несокрушим. Старик опять засел за своего «Хаджи-Мурата».

Близкие отношения между Горьким и Толстым хорошо были известны. Посыпались вопросы, скоро ли будет напечатано новое произведение Толстого.

— Хлопочу, сильно хлопочу,—ответил Горький. — Уж мы со стариком договорились. Деньги от издания мне пойдут. На сапоги нужны.

Это любимое выражение «на сапоги» приходилось слышать от него всякий раз, когда дело шло о материальной помощи революционерам.

* Рассказ «Мысль», напечатанный в «Русском богатстве».

Б. РОЗЕНФЕЛЬД

Горький о фольклоре

Глубокий интерес А. М. Горького к фольклору уже не раз отмечался в нашей литературе. В докладе Алексея Максимовича на I всесоюзном с'езде советских писателей мысли о народном творчестве занимают настолько существенное место, что это не могло не обратить внимания самых широких писательских, литературоведческих и читательских кругов.

Тем не менее следует признать, что мы далеко еще не в достаточной степени изучили и освоили наследие, оставленное Алексеем Максимовичем в области фольклористических проблем.

По существу не было еще констатировано, что высказывания величайшего социалистического писателя о народном творчестве представляют собою не отдельные разрозненные мысли, а целую стройную концепцию, в которой получают разрешение существеннейшие принципиальные проблемы фольклористики.

Вопрос о природе фольклора, проблема реализма в народном творчестве, вопросы о характере и значении фантастики в сказках и мифах, о коллективности в народном творчестве, о приемах типического обобщения в устно-поэтических образах, о ценности фольклорных произведений, о значении фольклора для литературы и т. д. и т. д., — на все это в высказываниях Алексея Максимовича мы находим ясные и глубокие ответы.

Ни один фольклорист-специалист не раскрывал с такой глубиной самое существо фольклора, с какой сделал это А. М. Горький.

Фольклор, согласно взглядам А. М. Горького, — это художественное творчество широчайших масс трудового народа. Тем самым фольклор — начало и подлинная основа исторического развития искусства во все времена и на всех этапах:

«Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, — писал А. М. Горький еще в 1908 году, — он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Эта мысль о глубоконародных трудовых истоках искусства настойчиво подчеркивалась А. М. Горьким и в высказываниях последних лет его жизни:

«Кто превращал в искусство тяжкий, ежедневный труд сначала — на себя, а затем — на господ?» — спрашивает А. М. в статье «Об искусстве» (1935 г.) и отвечает: «Основоположниками искусства были гончары, кузнецы и златокузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи».

Именно эта трудовая основа народного творчества и определяет художественную полноценность произведений фольклора:

«Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа, — говорил А. М. в своем докладе. — Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, далее — доктор Фауст, Василиса Премудрая, иронический удачник Иван-дурак и наконец Петрушка, побеждающий доктора, попа, полицейского, чорта и даже смерть, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рацио и интуиция, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни».

Отсюда — присущие подлинно народному творчеству реализм и оптимизм, что тут же подчеркивается Алексеем Максимовичем.

Трудовая природа фольклора определяет реалистический характер даже тех его жанров, которые на первый взгляд представляются наиболее ирреалистическими. В целом ряде своих высказываний А. М. Горький с полной убедительностью раскрывает реалистическое начало народной сказочной фантастики и мифологических образов. Отсюда — глубокая поучительность этой фантастики и ее положительное воспитательное значение: «В сказках прежде всего поучительна «выдумка» — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта. О «коврах-самолетах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора».

Потому-то Алексей Максимович настойчиво обращал внимание на значение сказки для молодых писателей, на ее ценность в качестве детского чтения.

В полном соответствии с оценкой фольклора В. И. Лениным как выражения народных чаяний и ожиданий, А. М. Горький видит в устной поэзии художественно воплощенную историю трудового народа: «Подлинную историю трудового народа, — говорил он в докладе, — нельзя знать, не зная устного народного творчества».

Фольклор как творчество народных масс — создание коллектива, и именно фольклор — источник и основа индивидуального искусства: «... лучшие образцы индивидуального творчества дают нам великолепно ограненные драгоценности, — писал Горький в цитированной статье, — но эти драгоценности были созданы коллективною силою народных масс. Искусство — во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Зевса создал народ, Фидий воплотил его в мрамор».

Это положение А. М. Горький подкрепляет длинным рядом примеров, называя имена величайших мастеров искусства: Шекспира и Байрона, Мильтона и Данте, Гете и Шиллера, Пушкина и Лермонтова и т. д. и т. д.

Богатством векового опыта масс, строгостью коллективной проверки об'ясняется широта типической обобщенности фольклорных образов, и потому-то величайшие образы литературы — Отелло, Гамлет, Дон-Жуан и др. — восходят к образам народного творчества: «Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже издревле даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы». И в этой плоскости А. М. Горький не проводит принципиальной разницы между методом художественного обобщения в литературе и фольклоре.

Но если величайшие образы литературы (Дон-Жуан, Фауст и пр.) представляют собою драгоценности народного творчества, ограненные мастерами-писателями, то такое же соотношение устанавливает А. М. Горький и между языком народным и языком литературным:

«Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».

Сам А. М. Горький неустанно учил писателей искусству обработки народного языка. И здесь он исходил из связи языкотворчества с трудовой деятельностью народных масс:

«...все слова рождены деянием, трудом, — говорил А. М., — поэтому язык является костью, мускулом, нервом, кожей фактов, и поэтому точность, ясность, простота языка совершенно необходимы для того, чтобы правильно и ярко изображать процессы создания фактов человеком и процессы влияния фактов на человека».

Точность, ясность, простота — основные требования, которые пред'являет А. М. Горький к языку литературы. Этим качествам он советовал учиться на образцах фольклора:

«А писать нужно просто, как будто беседуя по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который все поймет, все оценит с полуслова.

В простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

На ценность языка пословиц Горький указывал в целом ряде статей.

Высоко ценил он народное словотворчество и в частушке.

Столь высокая оценка языка народной поэзии не означает, однако, для А. М. Горького фетишизации всякого рода вульгаризмов и провинциализмов, свойственных бытовому языку. Наоборот, великий мастер художественного слова, овладевший всеми ценностями подлинно народной речи, упорно боролся против засорения языка излишними диалектизмами:

«Если в Дмитровском уезде употребляется слово «хрындуги», так ведь не обязательно, чтобы население остальных 800 уездов понимало, что значит это слово.

То же следует сказать и о слове «дефти» вместо — девки.

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски».

Требование теснейшей связи писателя с народным творчеством как со стороны языка, так и со стороны мастерства образотворчества вообще — один из существеннейших принципов в художественном методе Горького. Еще в 1904 г. Горький писал В. И. Анучину:

«Получил ваши легенды и словарь. Спасибо. Вы так богаты фольклорным материалом, что я вам завидую. Писатель, не обладающий знаниями фольклора, — плохой писатель. В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен».

Интересы и требования А. М. Горького в этой области отнюдь не ограничивались пределами только родного языка: повторяя свою излюбленную мысль на с'езде писателей, А. М. призывал к внимательнейшему собиранию и изучению фольклора и других народов нашего Союза.

Известна та высокая оценка, которую давал А. М. творчеству выдающихся мастеров народной устной поэзии.

М. Горький решительно выступил против буржуазного извращения народного творчества, против буржуазной фольклористики, отрицавшей творческую одаренность народных масс, стремившейся и стремящейся использовать факты фольклора в реакционных целях.

Глубоко проникновенное понимание ценности народной поэзии великий социалистический писатель клал в основу своих решений существеннейших проблем современного искусства — искусства социалистического реализма.

Ставя перед советскими художниками огромные задачи, выдвигаемые нашей великой эпохой, А. М. Горький опять и опять говорит о народном творчестве, видя в нем неисчерпаемые возможности новых художественных достижений.

«Действительность — монументальна, она давно уже достойна широких полотен, широких обобщений в образах; наша критика должна поставить перед собой вопрос: чем она может помочь литератору, и может ли современный литератор при той технике, при тех приемах, которыми он обладает, может ли он дать эти обобщения, эти синтезы? Не следует ли поискать возможности об'единения реализма и романтизма в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном?

Труд, все разрешающий труд, который, даже действуя подневольно на бессмысленного поглотителя живой человеческой силы, всегда давал ключ ко всем тайнам жизни, а ныне у нас не только возрождает, а превышает старинную легенду о подвигах Геркулеса и богоборца Прометея, — вот он, подлинный герой нашей действительности!»

И А. М. Горький с глубокой уверенностью говорит о том, что в наших условиях народное творчество не только не может иссякнуть, но идет к новому, небывалому расцвету:

«...Нам надобно признать, что способность трудовых масс к образному творчеству снова возникает и должна возникнуть, ибо революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально».

Мысль о создании монументального искусства, формы и средства которого были бы адэкватны героическому содержанию нашей действительности, — одна из излюбленных мыслей А. М. Горького, тесно связывающаяся у него с представлениями о народном устном героическом эпосе.

Однако, это отнюдь не означает, что А. М. Горький предлагал прямолинейное и механическое использование старых форм для нового содержания, он лишь настаивал на глубокой поучительности многовекового художественного опыта коллективного народного творчества.

Трудно исчерпать все богатство мыслей Алексея Максимовича о фольклоре. Нам хотелось лишь показать систематичность и многогранность высказываний великого писателя в этой области, наметить основные моменты в его общей концепции, которая должна быть нами положена в основу нашей дальнейшей работы в области фольклористики, да и не только фольклористики.

Такие существеннейшие проблемы нашей современной литературы, как проблема народности, проблема героического эпоса и монументализма в стиле социалистического реализма, проблема борьбы за культуру языка, борьбы против формализма и натурализма и т. д. и т. д., — не могут быть разрешены полно и глубоко без серьезнейшего изучения высказываний величайшего социалистического писателя о народном творчестве.

Иллюстрация **Куприянова** к роману М. Горького **«Дело Артамоновых»**

Иллюстрация **Е. Белухи** к повести М. Горького **«В людях»**

Я. РОЩИН

КЛАССИК ПРОЛЕТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Конференция, созванная Всероссийским театральным обществом на тему «Горький и театр» (13—16 июня), положила начало серьезной работе по обобщению материалов, характеризующих драматургическую деятельность Горького и его влияние на русский театр.

Общеизвестно, как из кожи лезли вон всякого рода декаденты, символисты и формалисты для того, чтобы принизить значение горьковской драматургии, доказать ее якобы несценичность, антихудожественность, использовать ее как одно из многих «доказательств» «конца писателя».

Такой прием пьес Горького со стороны представителей упадочной мысли был вполне закономерен: их классовой природе был чужд и враждебен весь дух творчества пролетарского писателя. В оптимизме Горького, как правильно указал в своем интересном и обстоятельном докладе т. **Ю. Юзовский**, не было и намека на жертвенную философию народничества. Это был оптимизм действия, борьбы, страстного сопротивления собственническому началу, оптимизм народа, мечтающего о справедливой жизни и готовящегося эту жизнь завоевать.

Горький в своих пьесах с большой убедительностью, в полноценных художественных образах, раскрыл логику классовых отношений в дореволюционной России, лицемерную, звериную природу капиталистического класса и в то же время показал силы, обрекающие этот класс на полное его поражение.

Вот почему каждую реплику горьковских персонажей буржуазный зритель воспринимал как вызов и с пеной у рта требовал, вслед за «критиком» Волжским, чтобы «из литературы убрали этого мастерового», вот почему царская цензура бесконечными репрессиями пыталась парализовать действие драматургии Горького, всячески мешала театрам установить контакт с революционным писателем.

Но это были попытки с негодными средствами. Мощное слово Горького прорывалось сквозь все преграды и подчиняло своему влиянию все живое, честное, прогрессивное, что имелось в русском обществе. Постановки горьковских пьес Московским Художественным театром, театром В. Ф. Комиссаржевской и рядом провинциальных театров неизменно превращались в крупные политические события, сопровождались бурными демонстрациями революционно настроенной молодежи.

Хорошо осветил на конференции эту полосу русской театральной жизни т. **С. Дурылин** в докладе о сценической истории пьес Горького.

Анализируя творческий путь Горького-драматурга, докладчик приходит к выводу, что великий художник пролетариата создал **свой театр**, богатый идеями, обильный прекрасными образами, сильный своим превосходным языком.

Только теперь, благодаря Великой Пролетарской революции, мы получили замечательный жизненный комментарий к драматургическому наследию Горького, комментарий, делающий возможным несравненно более верное и глубокое раскрытие горьковских образов, чем это было в дореволюционные годы.

В этом надо искать разгадку того небывалого увлечения драматургией Горького, которое мы наблюдаем в последние годы в советском театре.

— Эта драматургия, — указывает другой докладчик, заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств т. Я. Боярский, — занимает ведущее положение в современном советском репертуаре. По количеству постановок — шестнадцать пьес Горького опережают даже Островского.

Для некоторых театров обращение к Горькому явилось поворотным моментом в их истории. Особенно ярко свидетельствует об этом пример театра им. Вахтангова и МХАТ.

Театр Вахтангова после ряда провалов («Авангард», «Путина», «Гамлет» и др.) выправил свою линию, работая вместе с Горьким над его пьесами.

В спектакле «Егор Булычев» необычайно вырос, сложился в одного из крупнейших артистов советского театра Б. Щукин.

Таким же событием явилась и для МХАТ его новая встреча с Горьким: постановка «Врагов» знаменовала окончательный переход этого театра на путь социалистического реализма.

Но если на драматургии Горького много и упорно учатся сейчас работники театра, то тем более стоит эта задача перед советскими драматургами. Нечего греха таить: последние нередко еще подходят к пьесам великого пролетарского писателя с критериями, заимствованными у эстетствующих снобов из формалистского лагеря. Неудивительно, что и продукция их отличается выхолощенностью, бездумностью, скудным, монотонным языком.

У Горького же нет равнодушных слов и безличных персонажей. Его пьесы всегда насыщены большими идеями, они реалистичны в истинном понимании этого слова и не сбиваются ни в вульгарный бытовизм, ни в психологизм, — в них есть подлинная острота конфликтов.

Особенного изучения требует язык горьковских пьес, предельно выразительный, сочный, афористичный, чуждый дешевых нарочитостей, диалектизмов и псевдохарактерности. В советской драматургии это самое уязвимое место: наши писатели, — констатирует т. Боярский, которому по роду работы приходится прочитывать множество пьес, — пишут чаще всего суконным, серым, немощным языком, предпочитая, вместо работы над ним, прибегать к другим, более «облегченным» приемам показа персонажей.

Учеба у Горького повысит культуру слова у этих писателей, позволит им полнее использовать все богатство народной речи, усвоить ее живописность и выразительность.

Любопытную страницу в творчестве Горького составляют его **театральные рецензии**. К сожалению, этот род его деятельности абсолютно не освещен в литературе, и надо приветствовать почин т. **А. Свободова**, посвятившего этой теме специальный доклад. Собранный им материал (около 45 рецензий в «Самарской газете» и пять рецензий в «Нижегородском листке») проливает яркий свет на театральные взгляды молодого Горького, уже тогда (1895—96 гг.) находившего прекрасные формулировки в борьбе за «художественную правду» на сцене и резко осуждавшего погоню за внешними эффектами, неожиданными ситуациями, мелодраматической «перегрузкой» сюжета и т. д.

Интересно отметить, что уже в своих ранних высказываниях о театре Алексей Максимович отстаивает принципы «романтического реализма», впоследствии так ярко развернутые им в статьях о социалистическом реализме. Именно этими взглядами и обусловлено было положительное отношение Горького к Малому театру, гастролям которого в Нижнем-Новгороде он посвятил ряд теплых, сочувственных статей, где содержится развернутая оценка спектаклей и — особо — актерского исполнения (Южина, Рыбакова, Правдина, Лешковской и др.).

Было бы, мы полагаем, не плохо, если бы издательство «Искусство» догадалось выпустить все статьи Горького о театре и драматургии специальным сборником.

На конференции выступили с докладами также **проф. С. Балухатый** («Основные вопросы изучения драматургии М. Горького»), **проф. М. Григорьев** («Драматургия Чехова и Горького»), **Б. Ларин** («О языке драм М. Горького»). Заслуженный деятель искусств **Б. Захава** и заслуженная артистка республики **С. Бирман** поделились опытом работы над «Егором Булычевым» и «Вассой Железновой».

Великая правда художника

Несколько лет тому назад орава человек в 50 — вся тогдашняя труппа Вахтанговского театра — ввалилась к Алексею Максимовичу Горькому в его дом. Было начало сентября, еще не кончилось лето. В саду и в комнатах с широко распахнутыми окнами дышала золотая вечерняя прохлада. Сначала гости были одни, без хозяина, в свежих и прибранных комнатах. Минут через 10 появился и он. Был он похож на бесчисленное множество своих портретов и репродукций с них, высокий старик с умным, простым, угловатым лицом, с маленькой рыжей щеткой над лбом, с вогнутыми внутрь сильными когда-то плечами. «Ух ты, сколько их!» — это было первое и очень естественное приветствие.

Мы кое-как разместились, в тесноте, за большим столом в комнате, вроде столовой, и Алексей Максимович начал чтение своей новой пьесы «Егор Булычев и другие». Читая, он непрерывно курил, изредка покашливал куда-то глубоко внутрь, и оттуда глухо гудело. Голос тоже был глухой, небогатый интонациями, необыкновенно серьезный. Было отчетливо видно, что Горький волнуется, и это удивляло и особенно трогало нас.

То, что принесли мы, — восхищение, любопытство, желание не проронить ни одного слова, проверить сложившийся образ, — все это отозвалось в нем молодым чувством ответственности за себя и за свой труд. И уже по этому одному мы готовы были установить навсегда: Горький — замечательный.

По чести сказать, первое слушание текста «Булычева» дало не много. Горький читал, так сказать «в себя» и попросту прогудел все три акта пьесы. Поэтому и наши тогдашние отзывы на чтение были путаным лепетом. Мы старались найти слова, а когда находили их, то кривили душой: мы ничего не поняли.

Горький серьезно, просто, сурово и без обиды видел это, и, кажется, нисколько не был обескуражен: ведь он знал все, что должно произойти потом. А потом произошло вот что. Он отдал нам «Булычева». Мы разошлись по своим углам и начали вчитываться в рукопись, кто как умел. И рукопись начала жить. За сложными ее подтекстами, за житейскими дрязгами, за видимой как будто несценичностью выступало другое, самое дорогое для театра: глубина и правда. Страшно выпуклыми становились образы. И было ясно, что автором сказано про них все, только вчитайся и пойми.

Горького тогда уже не было в Москве, еще одну зиму он прожил в Италии. «Булычев» начал обрастать нашим волнением и нашими догадками. Об этих догадках мы писали Алексею Максимовичу, и он отвечал — сдержанно, весело и абсолютно точно.

И снова мы увидели его на первой генеральной репетиции «Булычева». Это был один из самых больших праздников нашего театра, и наверное никто из нас никогда его не забудет. Как смотрел Горький на раскрывшееся на сцене действие! Кажется, что он прямолинейно и наивно ставил перед собой вопрос: похоже это на жизнь, так ли было? — Отвечал на вопрос, и снова его ставил. Он не был ни автором, ни критиком, — даже зрителем он не был. Он судил о представлении как **очевидец**. И это полностью подтвердилось после окончания репетиции.

Алексей Максимович не критиковал и ничего не противопоставлял. Он просто рассказывал. О чем? О людях, созданных его воображением, но так, как будто они только что вышли в другую комнату. Он знал о них все, да и не только о них: о всех, подобных им. Это было похоже на ненаписанные страницы «Самгина», и это была импровизация.

Мелкое и личное переплеталось с историей класса, анекдот с притчей; купцы, попы, полицмейстеры, их жены, слуги — все это пестро и старомодно одетое сборище мудрило, урчало, бездельничало, гибло, обслуживало и обманывалось. Это был огромный мир его фантазии и его житейского опыта.

И очень поучительно сопоставить с этим устным эпосом Горького написанное им за последние годы, прежде всего «Клима Самгина». Эта потрясающая книга будет расти и жить в представлениях миллионной читательской массы, потому что эта повесть полна той жизни, уголок которой открылся перед нами в беседе с Горьким.

Сейчас творчество Горького вновь предстало перед нами в недавно вышедшем четвертом томе «Самгина». И он, и его судьба, и его личность, и его книги, наконец, — это великая правда художника, продолжающего жить среди нас. Прекрасный, прозорливый, спокойный старик проходит рядом с нами по всем нашим дорогам. Он полон благожелательного мудрого доверия к каждому младшему. Его рукопожатие — это всегда обещание, всегда опора. И мы продолжаем вчитываться в оставленные им слова с чувством сыновней нежности.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

Бюст М. Горького работы скульптора Крандиевского (Выставка московских скульпторов).

Тиражи произведений Горького

Творчество А. М. Горького давно уже стало достоянием широкого круга читателей. Его книги расходились в массовых, редких для дореволюционных лет, тиражах. Так, уже в 1906 г. в серии дешевой библиотеки товарищества «Знание» (ценою от **2** до **12** к.) вышло 34 рассказа Горького, специально отобранных автором, с тиражами отдельных книжек от 20.000 до 50.000. Несколькими изданиями с высокими тиражами вышли в 1900—1906 гг. рассказы «Дружки», и «Емельян Пиляй» в издательстве «Посредник».

Помимо изданий, зарегистрированных Книжной палатой, произведения Горького, запрещенные цензурой, распространялись гектографированным способом; большое распространение имели и зарубежные издания произведений писателя.

За период времени с 1893 г. по 1916 г., по сведениям Всесоюзной книжной палаты, было выпущено **102 издания** произведений Горького с тиражом в **799.880 экземпляров.** В первые годы революции, несмотря на тяжелый бумажный кризис, произведения Горького печатались массовыми тиражами издательством Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. Отдельные издания достигали 150.000 экземпляров.

За 1918—1920 гг. было издано **48 названий с тиражом в 2,670.500 экземпляров.**

В наши годы о неослабевающем внимании читателя к творчеству Горького, занявшего одно из первых мест по читаемости, говорит как библиотечная статистика, так и тиражи изданий писателя. С 1921 по 1927 гг. вышло **113 изданий** с тиражом в **1.849.200 экземпляров.**

За последние восемь лет — с 1928 г. по 1936 г. — вышло **297 изданий** с тиражом в **23.544.850 экземпляров.**

Всего в 1918—1936 гг. вышло **458 изданий** с тиражом в **28.064.550 экземпляров.** Однако, несмотря на высокие цифры, произведений Горького на книжном рынке явно недостаточно.

Особенной популярностью пользуются следующие произведения Горького (приводим отдельные издания без учета томов собрания сочинений):

«Мать» — **21** издание общим тиражом **1.069.050** экземпляров.

«Детство» (**18** изданий, тираж — 1.025.375), «В людях» (**13** изданий, тираж — 560.000), «Мои университеты» (**12** изданий, тираж — 490.000), «Дело Артамоновых» (**11** изданий, тираж — 425.200, «Фома Гордеев» (**5** изданий, тираж — 160.000). «9 января» (**12** изданий, тираж — 495.400), «В. И. Ленин» (**7** изданий тираж — 440.000), «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» — **7** изданий, тираж — 335.250 экземпляров.

Публицистические статьи Горького (сборники статей и отдельные произведения) вышли в **35** изданиях тиражом в **12.057.390** экземпляров, а литературно-критические статьи — в **15** изданиях, тиражом в **348.940** экземпляров.

В школьной серии «Библиотеки классиков» вышло **16** изданий в количестве 1.471.800 экземпляров; в «Дешевой библиотеке классиков» — **25** изданий (тираж 1.405.000); в «Массовой библиотеке» — **3** издания (тираж 1.075.000); в «Библиотеке начинающего читателя» — **11** изданий (740.440); в «Библиотеке начинающего читателя» (Книга — социалистической деревне) — **6** изданий (600.000) и т. д.

По сведениям Всесоюзной книжной палаты, с 1917 по июнь 1936 года на языках народов СССР вышло **150 изданий** с тиражом в **1.400.000** экземпляров.

К. МУРАТОВА.

Человек большого сердца

Памяти М. И. Ульяновой

Похоронили Марию Ильиничну. Навсегда ушел от нас человек большого сердца.

Помню, с каким волнением я стояла впервые перед дверью ее кабинета, куда пришла по телефонному вызову разговаривать о работе. Я не знала, как себя держать, волнуясь, придумывала нескладные фразы. Ведь это была Мария Ильинична, ведь это была сестра Ильича.

Она поднялась с кресла, быстро, торопливо пошла навстречу. Небольшая, очень подвижная, худощавая, слегка сутулая фигура, совсем белая голова, застенчивая улыбка и смеющиеся глаза, такие похожие в своей усмешке на глаза Ильича, смотревшего с портрета над ее стулом.

Сразу пропала надуманность фраз, стало легко и необычайно свободно. Она расспрашивала, рассказывала о работе.

— Надо к Бюро жалоб привлечь писателей. Это необходимое дело. Бывают у нас упорные люди. Наделают ошибок, а исправить не хотят. Ну, ничем не сдвинешь. А как в газете статейка появится об их делах, тут только за ум и берутся. Обязательно бить их надо печатным словом.

Я совершенно забыла о том, что разговариваю с человеком впервые. Казалось, что мы давно знакомы, у нас общие дела и заботы.

— Обязательно приходите работать, — говорила она, прощаясь. — У нас тут не легко: и работы много и нужно к человеку уметь подойти. А материала для книги соберете сколько влезет.

Я ушла под огромным обаянием Марии Ильиничны, ее слов, слегка глуховатого голоса, особой манеры говорить немного нараспев.

Вскоре после этой встречи я заболела, и в течение 2-х недель в телефонную трубку слышался ее голос, заботливо спрашивающий о моем здоровьи. Эта необычайная, ленинская внимательность, забота о людях, о каждом человеке, работающем с ней, была неот'емлемой чертой Марии Ильиничны.

Каждый день в ее кабинете происходил разбор жалоб. М. И. выслушивала жалобщика и затем иногда бросала вызванному представителю от учреждения:

— Вы что же, Сталинской Конституции не хотите выполнять? Лишили человека права на труд. Забыли, чему нас Сталин учит: чуткому подходу к человеку. А вы что же наделали?

С какой огромной любовью она всегда говорила о товарище Сталине!

К ней приезжали со своими заботами, неприятностями, горем со всех концов нашей необ'ятной страны. Приходили дети, старики, колхозники, рабочие, люди всех профессий и возрастов, и к каждому умела М. И. подойти, каждого обогреть своей лаской и вниманием, каждому оказать помощь.

Но она умела также с непримиримой ненавистью говорить о врагах народа, о врагах партии, на протяжении всей своей жизни бороться с ними.

Она очень тяжело переживала смерть товарища Орджоникидзе. Поздно вечером, приехав из Колонного зала, Мария Ильинична показала мне статью, которую она написала о товарище Орджоникидзе.

— Не так получилось, — с трудом говорила она, по своей обычной привычке медленно проводя ладонью по волосам. — О нем хотелось бы написать иначе, горячо, так, чтобы он весь встал перед глазами. Но надо отсылать в редакцию. Поздно.

Ее статья была яркой и горячей, но по своей обычной скромности М. И. недооценивала ее.

В другой раз ей прислали на просмотр статью о Владимире Ильиче. Она нервно подчеркивала строчки синим карандашом и сердито говорила:

— Ерунда! Чушь. Зачем такой схематизм. Ильич горячо любил жизнь, природу, музыку, литературу. У него была колоссальная работоспособность, но он понимал, видел и чувствовал жизнь со всех ее сторон.

Мария Ильинична с утра и до поздней ночи бывала на работе. К ней можно было всегда зайти, всегда посоветоваться, всегда разрешить нужный вопрос.

7 июня поздно вечером она вернулась в Бюро жалоб с партийной конференции и начала работать. Ей внезапно стало плохо, и ее уложили на диван. Больше Мария Ильинична не вставала. Организм бешено боролся, привычный к борьбе, он не хотел сдавать. Со всех сторон нашей страны неслись тревожные письма, из разных уголков мира с любовью запрашивали о ее здоровьи. Желали ей скорейшего и полного выздоровления.

Двенадцатого июня не стало Марии Ильиничны.

Под звуки похоронных мелодий страна проходила перед гробом любимого товарища, ласковой и чуткой М. И.

И скорбно застывал у гроба почетный караул, неотрывно глядя на бледное лицо.

И хочется сказать так, чтобы услыхала Мария Ильинична:

— Так же, как и ты, всю жизнь будем бороться за дело коммунизма.

Так же, как и ты, всегда будем верны партии и ее вождю, товарищу Сталину!

Л. АРГУТИНСКАЯ.

Рассказ М. Горького **«Жалоба»** с резолюцией военного цензора: **«Рассказ к печати не может быть разрешен».**

НА ВСЕСОЮЗНОМ С'ЕЗДЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

В переполненном Колонном зале Дома союзов 16 июня открылся Первый всесоюзный с'езд советских архитекторов.

На с'езде присутствуют в качестве гостей крупнейшие иностранные архитекторы, прибывшие из разных стран, — США, Франции, Бельгии, Швеции, Дании, Норвегии, Испании и Чехословакии, представители смежных искусств—художники и скульпторы-строители и работники строительной индустрии.

«Введением» к с'езду служит развернутая в фойе Колонного зала архитектурная выставка, демонстрирующая громадные масштабы нашего строительства — от планировки городов до жилищного строительства. Центром выставки является наш архитектурный колосс — Дворец советов, представленный в эскизах технического проекта.

В президиуме с'езда — председатель Моссовета Н. А. Булганин, академики архитектуры А. В. Щусев и В. А. Щуко, профессора В. А. Веснин, Н. Я. Колли и С. Е. Чернышев, архитекторы К. С. Алабян, Б. М. Иофан и др.

Под бурные овации всего зала в почетный президиум избираются товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Чубарь, Косиор, Жданов, Ежов, Хрущев, Димитров, Тельман, Хозе Диас.

Наряду с большой повесткой творческих вопросов с'езд должен обсудить такие крупнейшие в народнохозяйственном и культурном отношении вопросы, как планировка и реконструкция городов, жилищное строительство, индустриализация строительства и подготовка архитектурных кадров и мастеров художественной промышленности.

Первый раздел работы с'езда обнимает обширный цикл творческих докладов — о задачах советской архитектуры, об этапах ее пути, об овладении классическим наследством, сообщение авторов проекта Дворца советов и доклады советских республик.

В день открытия с'езд заслушал первый доклад из этого цикла — о задачах советской архитектуры.

Докладчиком выступил **К. С. Алабян.**

Обращаясь к характеристике сегодняшней архитектурной практики, К. С. Алабян говорит:

— Советская архитектура прошла за 20 лет сложный путь творческих исканий, постепенно преодолевая все то наносное и чуждое, что мешало ее развитию. Несмотря на серьезные достижения, советская архитектура сегодня еще сильно отстает от тех требований, которые пред'являет к ней страна. В архитектурной практике еще сильны рецидивы формализма, эклектики, упрощенчества. Бывшие вожди конструктивизма, бр. Веснины, М. Я. Гинзбург и др., в свое время наделавшие много ошибок, бросавшиеся от пропаганды домов-коммун до домиков на курьих ножках, от принципов планировки городов Корбюзье до проповеди уничтожения городов, не сумели еще окончательно избавиться от старых творческих установок.

К. С. Алабян дал характеристику метода социалистического реализма в архитектуре.

Академик архитектуры А. В. Щусев выступил на с'езде с докладом об овладении культурным наследством — величайшими ценностями классической и национальной архитектуры и народного творчества.

Последующий доклад профессора Н. Я. Колли — «Этапы советской архитектуры» — явился прекрасным документальным дополнением к докладу К. С. Алабяна, развернув на ярчайших фактах минувшего двадцатилетия сложный путь творческих исканий, пройденный советской архитектурой.

*

На торжественном открытии с'езда присутствовали тт. Н. К. Антипов, П. М. Керженцев, Г. И. Смирнов, А. И. Стецкий и Д. И. Сулимов.

С. ТОВ.

Горький в рисунках детей

В Центральный дом художественного воспитания детей РСФСР имени А. С. Бубнова на конкурс «Горький, его жизнь и его произведения» ежедневно поступает множество рисунков.

Десятки рисунков изображают бесстрашного Данко и буревестника, подобного черной молнии; юные художники иллюстрируют сказки об Италии, «Челкаша» и т. д.

Дети младшего возраста фиксируют свое внимание преимущественно на рассказе «Дед Архип и Ленька», но иногда 9-летние мальчики изображают трагические сцены из таких произведений, как «Хан и его сын». Старшие ребята делают иллюстрации к произведениям «Враги», «Дело Артамоновых» и т. д.

Конкурс продлится до 1 июля, но уже сейчас получено больше тысячи рисунков из Азербайджана и Ачинска, Красноярского края и Крыма и многих других мест.

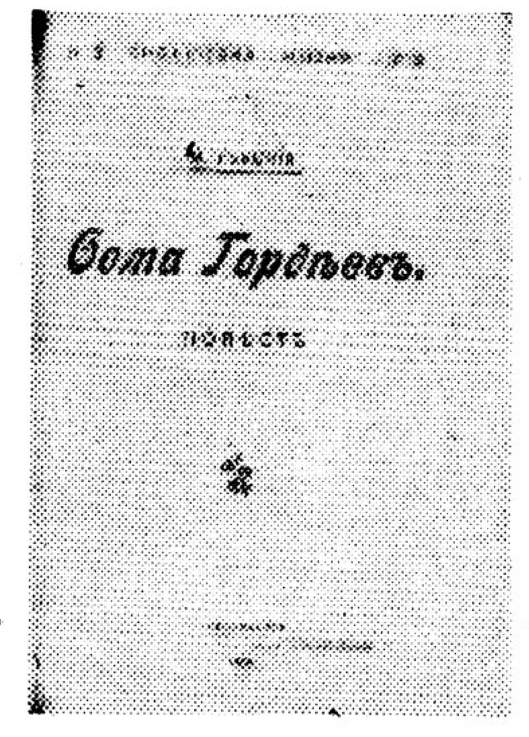
Борис Дорошенко из Днепропетровска, получивший первую премию на всесоюзном конкурсе учащихся железнодорожных школ, глубоко и серьезно работал над произведениями Горького. Он прислал три иллюстрации к «Челкашу». Прекрасный по композиции рисунок пристани с пароходами, грузчиками и шагающей вперед фигурой Челкаша; выразительный рисунок «Челкаш в лодке».

Очень выразительные рисунки дали Коля Хлебородов из села Быково (Севского района Западной области), Алеша Лавренюк из детского дома села Верхотурье (Свердловской обл.).

Все это показывает, как глубоко и серьезно думают наши дети над яркими образами произведений Горького.

После просмотра жюри и вручения премий лучшие рисунки будут переданы в Музей им. Горького.

В. СКЛЯР.

Титульный лист первого издания повести М. Горького «Фома Гордеев».

Горьковские дни в Советском Союзе

Первую годовщину со дня смерти основоположника пролетарской литературы Алексея Максимовича Горького отмечает вся страна.

От Москвы и Ленинграда — до далеких уголков советских республик в память Горького открываются музеи, устраиваются траурные вечера и выставки, организуются лекции и доклады, выпускаются сверхплановые и специальные издания, подводятся итоги конкурсам, заканчиваются кинос'емки.

Каждый день приносит новые сведения и корреспонденции о мероприятиях, посвященных памяти великого писателя и незабвенного друга трудящихся Страны Советов.

На родине Горького

Деятельно готовились к сегодняшнему дню на родине Горького.

В городе, носящем его имя, открылся Литературный музей, в котором собраны интереснейшие материалы, относящиеся к различным периодам пребывания Алексея Максимовича в родных местах.

При музее развернута большая выставка, посвященная жизни и творчеству великого писателя.

Открывается реставрированный домик Кашириных, где Алексей Максимович провел свои детские годы и который он описал в первой части своей трилогии — «Детство».

Городской театр приготовил к годовщине премьеру — «Фома Гордеев» в инсценировке Желябужского. Этой постановкой началась горьковская декада в местных театрах.

На крупнейших предприятиях города проводятся вечера, лекции, читательские конференции и доклады, посвященные Горькому.

С'емка звукового киноочерка «Семья Заломовых» производится в Сормове.

В братских республиках

Братские республики СССР чтят память своего великого друга и борца за национальную литературу народов Советской страны.

Первое полное собрание сочинений А. М. Горького на белорусском языке выпускает Белгосиздат. Издание состоит из 25 томов. Часть его уже вышла из печати.

Татарские поэты выпускают сборник своих стихов, посвященных Горькому.

В столице Казахстана Алма-Ата выходит том художественных произведений, статей и речей Горького и сборник песен акынов Казахстана и произведений казахских писателей, посвященный Алексею Максимовичу.

Во всех столицах, областях и районах братских республик состоятся торжественные вечера и доклады, посвященные Горькому.

С. БАЛУХАТЫЙ

Новые материалы об А. М. Горьком

Изучение творчества М. Горького по документам и архивным данным насчитывает не много лет. И тем не менее в нашем распоряжении уже имеются первоклассные материалы, освещающие с достаточной полнотой отдельные периоды жизни и творчества Горького. Но было бы совершенно ошибочным предполагать, что весь круг основных материалов как рукописных, так и эпистолярных и документально-биографических нам уже известен. Пройдут десятки лет, прежде чем будут мобилизованы и научно обработаны многочисленные документы, характеризующие столь сложную и разностороннюю работу, как литературная, революционная, общественная и организаторская деятельность великого трибуна и несравненного писателя М. Горького.

Год, прошедший со дня смерти писателя, не обогатил нас, за исключением только что вышедшего четвертого тома «Жизни Клима Самгина», какими-либо крупными текстовыми публикациями. Из материалов, оставшихся в рукописи, обращают на себя внимание лишь отрывки из обширного курса Горького по истории русской литературы (в особенности глава о Пушкине), опубликованные в центральной печати («Правда» и «Известия»). Однако в наших журналах и газетах появилось значительное число ранних рассказов и статей Горького, никогда не включавшихся им в собрания своих сочинений.

Большая серия этих произведений Горького значительно расширяет наше представление об об'еме ранней литературной деятельности писателя и о тематическом содержании его творческой работы. Надо думать, что в ближайшие же годы, после того как созданный постановлением правительства Литературный музей и архив Горького закончат свою работу по сбору материалов, мы увидим опубликованными многие значительные в художественном и общественном отношении горьковские тексты.

Раздел переписки Горького за минувший год пополнился лишь немногими примечательными новыми письмами (В. Жаковой, И. Бродскому, М. Пришвину и некоторым др.), а основная масса исключительно обширной и разнообразной переписки Горького ждет еще своих публикаторов.

Было бы ошибочно задерживать знакомство советского читателя с новыми данными биографии и творчества Горького, ибо каждая содержательная публикация, говоря о новых чертах облика Горького — человека, художника, активного деятеля в разных областях культурной жизни, — является хорошим стимулом, побуждающим к новой и более углубленной характеристике значения великого писателя.

Суждения Горького по всем вопросам культуры настолько глубоки и принципиально значимы, что возникает совершенная необходимость в собрании его мыслей, определений в специальных сводах. Такие своды уже появились в нашей печати (мысли Горького об искусстве, о литературе), и в ближайшем будущем число их, конечно, увеличится.

Мало значительны биографические документы, опубликованные в наших изданиях за последний год, и по-прежнему многие периоды жизни и работы Горького остаются либо мало освещенными, либо полностью не документированными. В этом ряду представляют особый интерес материалы полицейской слежки за Горьким — «Даты жизни и деятельности А. М. Горького», опубликованные в «Красном архиве» по данным 6. фонда Департамента полиции. К сожалению, Центрархив, публикуя уже не в первый раз различные ценные материалы, относящиеся к революционной деятельности Горького, не сделал генерального просмотра всех своих архивов, в недрах которых лежат еще многие первоклассные документы.

Советское горьковедение с каждым годом растет и качественно и количественно. Наши журналы почти непрерывно помещают статьи о разных сторонах деятельности Горького, в наших вузах организованы специальные семинары по творчеству Горького, наша аспирантура все чаще и чаще избирает темами своих научных изысканий отдельные периоды в творчестве Горького, в печати известны заявки ряда ученых на монументальные работы по Горькому.

Это разнообразное и содержательное движение нашего горьковедения предполагает большое поступление в печать, в помощь возникающим научным и критическим работам, новых материалов. К сожалению, таких обильных публикаций еще нет, и лишь очень немногие наши литературоведческие учреждения заняты сейчас подготовкой к печати новых публикаций.

Институт литературы Академии наук СССР, положивший, еще при жизни и с ведома писателя, начало систематическому учету горьковских материалов и публикации их в специальных сборниках «Материалов и исследований» (вышло два таких сборника: том I — 1934 г., том II — 1936 г.), подготовил в текущем году к печати третий том этого издания. Он открывается текстами забытых произведений Горького — фрагментами одной большой его повести, задуманной как продолжение «Окуровского» цикла повестей. Обширный отдел переписки этого тома охватывает, — как это принято в первых горьковских сборниках Института, — лишь литературные письма и посвящен немногим адресатам: письма Горького к В. С. Миролюбову (79 писем), к Д. Н. Овсянико-Куликовскому (10 писем) и И. М. Касаткину (36 писем). Письма Горького к известному редактору-издателю «Журнала для всех» В. С. Миролюбову знакомят нас с годами сотрудничества Горького в этом журнале, а также со временем привлечения Горьким В. Миролюбова в 1911-12 гг. в качестве одного из редакторов сборников «Знания».

Письма эти говорят нам о литературных интересах Горького, о работе его над своими ранними произведениями, о приемах редактирования им чужих рукописей. Переписка Горького с известным историком литературы и общественным деятелем Д. Н. Овсянико-Куликовским относится к 1911—1913 годам и касается преимущественно временного сотрудничества Горького в журнале «Вестник Европы» и оценки Горьким литературных работ Д. Овсянико-Куликовского.

Интересны в письмах замечания Горького об особенностях своего творчества. Так, посылая в журнал несколько своих очерков из цикла «По Руси» («Ледоход», «Губин», «Женщина»), Горький писал: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным, — мне хотелось бы очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я понял их».

Письма Горького к писателю И. М. Касаткину охватывают довольно значительный период времени (1906—1934) и представляют большой литературный интерес. Много замечательных мыслей в этих письмах о литературной жизни и литературных произведениях дореволюционного времени и советской литературы. Много ценнейших высказываний Горького и о собственном творчестве. В письме 1925 г. Горький писал: «Сам пишу — много. Хочется научиться писать лучше, чем умею. Хочется добить старинку со всей ее красивенькой и отвратительной гнилью».

Как всегда в письмах Горького к писателям, и в этих письмах рассыпаны ценнейшие литературные советы.

Примерно: «Не сердитесь, что привязываюсь к мелочам: в литературе нет мелочей, как нет их в человеческом организме, — каждый нерв, каждая клетка необходима в общей гармонии». «Следите за языком, необходимо отработать это оружие писателя до конца возможной гибкости и остроты». «Не подсахаривайте действительность, она и без этого красива и дьявольски вкусна, несмотря на горечь свою». Все публикации горьковских писем сопровождаются развернутыми статьями — характеристиками взаимоотношений Горького с его корреспондентами (статьи Т. Ухмыловой, Н. Аникина, Е. Лейтнеккера).

В отличие от предыдущих сборников, в новом томе значительное внимание уделено статьям о литературном творчестве Горького. Одной из важнейших задач нашего горьковедения является изучение особенностей художественного метода Горького — для этого изучения мы владеем достаточно большими и разнообразными материалами.

К сожалению, в нашей критической литературе почти нет работ, говорящих о приемах замечательного мастерства Горького, о собирании им материала, о претворении этого материала в образы искусства, о работе над композицией и языком произведений, о приемах шлифовки произведения при последующих его переизданиях.

Очередной том горьковского сборника, восполняя в какой-то мере этот пробел, дает ряд статей, об'единенных одной темой: история сюжета и процесса писания произведений Горького, прослеженные по рукописям или же забытым ранним текстам. В этот отдел вошла статья А. Н. Свободова, в которой он на примере рассказов Горького «Исключительный факт» и «Отомстил» анализирует путь Горького от жизненного случая и хроникерской заметки к законченному художественному образу и рассказу. В статье Ф. М. Усвяцевой о творческой истории повести «Фома Гордеев» впервые прослеживаются образы этой повести по связи их с образами в целой серии ранних рассказов Горького и устанавливаются этапы работы писателя над текстом повести. Статья С. В. Касторского дает анализ первоначального текста повести «Мать». С. В. Касторский дает характеристику первой редакции, во многом резко отличной от общеизвестного текста повести. В статье К. Д. Муратовой прослежена по рукописям история работы Горького над поэмой «Человек». В статье С. Д. Балухатого дан ряд текстологических наблюдений над такими произведениями Горького, как «Песнь о соколе», «Лето», «Едут» и др.

В ряду публикаций в отделе приложений к сборнику выделены новые материалы по иностранной цензуре произведений Горького.

Сборник замыкается списком произведений и писем Горького, опубликованных в 1935—1937 годах, являющимся продолжением известного уже в печати большого списка сочинений писателя. В этом новом списке даются существенные дополнения и по ранним годам творчества Горького.

Мы не сомневаемся в том, что новый сборник Института литературы Академии наук не будет единственным, осуществляемым в ближайшем будущем, изданием подобного типа. Учреждения и организации, владеющие ценнейшим документальным материалом по Горькому, обязаны не только его хранить и умножать, но и делать доступным широкому ознакомлению.

Без публикации новых текстов, писем, биографических документов, хотя бы в простейшей, первичной научной обработке дело изучения богатейшего наследия Горького неизбежно затормозится, и тем самым на долгие годы будет отодвинута та систематическая характеристика разнообразнейших сторон его деятельности, в которой особенно нуждается советский читатель.

ИЗВЕЩЕНИЯ

19 июня, в 6 часов вечера, в помещении бухгалтерии Гослитиздата состоится общее собрание членов группкома писателей и литературных работников при Гослитиздате.

На собрании будут произведены выборы бюро группкома.

Редакция альманаха «Год XX» просит нас сообщить, что в одиннадцатой книге альманаха по вине редакции не указана фамилия автора произведения «Татьяна Саломаха»—Л. Аргутинской.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61. Издательство: Москва. Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполном. Главлита В — 29604. Типография газ. «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.